

Буря миров

Автор:

Андрей Левицкий

Буря миров

Андрей Левицкий

Нашествие #2

Странное сооружение возводят захватчики в центре оккупированной Москвы. Людей для его строительства согнали со всей столицы. Город покорен, сопротивление подавлено, лишь отдельные группы выживших еще пытаются бороться.

Кажется, что враг непобедим. Но теперь новые силы вступают в бой – на помощь москвичам приходят повстанцы из иной реальности. Чтобы изгнать оккупантов, надо раскрыть их тайны: откуда они, какова их истинная цель? И что будет, когда страшная пасть Главного Портала раскроется над Москвой?

Продолжение бестселлера «Нашествие. Москва-2016»!

Андрей Левицкий

Нашествие. Буря миров

Часть I

Земля-Териана

Автор благодарит Екатерину Калашникову, Елену Балову, Алексея Смирнова, Андрея Гончарова, Андрея Бывшева, Сергея Антипенкова, Кирилла Куприна и Олега Швемера.

Глава 1

Башня была сложена из черепов, напоминающих человеческие, но крупнее и с овальными глазницами. Внутри вел полукруглый проем. «Здесь был Хорек» – гласила надпись, выцарапанная на лбу одного черепа.

– Пригнись, ботаник!

Сообразив, что кричат ему, Кир присел. Позади румяный здоровяк – один из тех, кого Кирилл впервые увидел в «Старбайте», кажется, его называли Багрянцем, – быстро водил из стороны в сторону стволом АК.

– Не двигаться, у меня автомат заряжен, сразу всех скошу!!!

Зачем он предупредил, что заряжен? Багрянец явно нервничает... это потому, сообразил Кир, что в магазине его оружия таки нет патронов! Еще в «Старбайте» закончились, а потом здоровяк бросился в портал, не успев зарядить. Может, у него и запасного магазина нету.

– Ладно, Павлуха, спокойней давай.

Это сказал Леша, стоящий справа от Кира с «Макаровым» и ножом в руках. А слева покачивался, прижав ладонь ко рту, Денис – и все они находились посреди широкой наклонной мостовой, полого уходящей вверх между каменными башнями. Окна овальные, вместо дверей арочные проемы, а здания приземистые и, кажется, восьмиугольные.

Холодно... Сумрачно... Снег...

Зима.

Выпрямившись, Кир плотнее запахнул куртку. Ему было плохо, тошнило, ноги подгибались. Он вспомнил ощущения после перелета Москва – Бангкок – сейчас было примерно так же, только хуже, будто он преодолел за минуту тысячу часовых поясов.

Судя по лицам остальных землян, они чувствовали себя не лучше.

Рюкзак остался в «Старбайте», с собой у него были только катана на поясе, «Король Джунглей» да мешочек с гайками для рогатки. У Леши – пистолет и нож, у Дениса вообще ничего.

А у стоящих перед ними пятерых людей? Электроружье, большие пистолеты непривычной формы и винтовки с торчащими вбок кривыми рычагами. Трех Кир видел в подвале «Старбайта»: кудрявого мужчину с длинными светлыми усами, старика и накачанного великана с ежиком белых волос, одетого в шаровары и бледно-желтое кожаное пальто до колен. Еще двое – почти наголо обрита женщина с косичкой на затылке и краснолицый толстяк с заплывшими глазками – держались за спинами этих троих, возле машины, смахивающей на трактор. Из передка ее, словно бивни, изгибались две металлические штанги, а сзади был большой кубический выступ.

То ли утро, то ли вечер, не разберешь. Посвистывает ветер, по мостовой стелется поземка. Снежные завихрения проносятся низко над головой, между стенами зданий, сложенных из блоков ноздреватого камня, вроде ракушечника. Темные провалы окон, дыры, трещины, разбитые лестницы, ведущие к проемам без дверей... Сплошь развалины кругом, ни одного целого дома. На некоторых крышах виднеются покосившиеся ветряки, но вращается только один, его широкие лопасти проворачиваются с заунывным скрипом.

И купола над головой нет. Кирилл ожидал его увидеть, думал, что и в этом мире захваченная варханами территория накрыта испускающим молнии стеклито-зеленым колпаком, но вверху было лишь черное небо и потоки снежной крупы, никаких проблесков зелени.

– Опусть ствол, Павлуха! – повторил Леша. – Эй, парни, по-нашему не понимаете?

– Понимать, – сказал старик. – Плохо понимать. Мало говорить. Где Артемай?

Не получив ответа, он обратился к усачу:

– Айрин апу кара.

Усатый, не опуская оружие с кривым рычагом, ствол которого был направлен на Багрянца, попятился и что-то крикнул толстяку с женщиной возле машины. Ухмыльнувшись, махнул рукой на землян.

– Ботаник, в сторону отвали! – прошипел Багрянец сзади.

– Замолкни, надоел, – не поворачивая головы, бросил Кирилл, внимательно разглядывающий людей перед собой.

– Ты че сказал?!

– Помолчи, Павел, – велел Леша.

Краснолицый толстяк полез в кабину, обритая женщина осталась на месте. Между концами «бивней» проскочил зеленый разряд, похожий на струю маслянистого дыма, набух, свернулся кольцом и лопнул. Посыпались искры, пахло озоном. Кирилл сообразил, что расстояние между концами штанг примерно такое же, как длина портала. С помощью этой штуки терианцы и вытащили их из подвала «Старбайта»?

Терианцы, да? Ведь они на Териане. В мире под названием Териана. В другом мире!

У Кира даже голова закружилась, когда он вдруг ясно и отчетливо понял это: это другой мир. Параллельный, перпендикулярный, альтернативный, как ни назови, – ДРУГОЙ МИР. Фантастика вторглась в его жизнь, фантастика была вокруг него... он попал в иную вселенную!

Денис что-то произнес. Кудрявый усач шагнул вперед, опустив оружие, ослабил, сделал энергичный жест и тоже выдал несколько слов. Заговорил старик, потом Денис повторил фразу.

– Ты о чем с ними болтаешь? – продребезжал Леша и закашлялся, схватившись за горло.

– «Мы не будем нападать на вас», – ответил ученый, помедлив. – Надеюсь, что они меня понимают.

Слева стояло трехэтажное здание с просторными арками вместо окон, сквозь которые ветер заносил внутрь потоки снега. К дверному проему вела каменная лестница.

И в проеме этом мигнули два желтых глаза.

– Э... – начал Кирилл, берясь за катану.

Наружу прыгнуло существо, смахивающее на здоровенную, ростом с человека, обезьяну. Горбатую. Усач и Леша со стариком-терианцем повернулись, но быстрее всех отреагировал беловолосый великан. До сих пор он стоял, опустив длинные руки, ветер трепал полы расстегнутого пальто, теребил меховой воротник и короткие волосы. А теперь великан развернулся и выхватил пистолет из кобуры на боку.

Слетев по ступеням, существо метнулось к людям. Грохнул выстрел, картечь ударила в плоскую темную морду. Лапы подогнулись, оно врезалось в Дениса, опрокинув, повалилось сверху. Задержалось. Кирилл рубанул катаной по заросшей черной щетиной шее, схватил тварь за шерсть на затылке и стащил с ученого. Только сейчас он разглядел, что на существе надета набедренная повязка, а на шее висит ожерелье из камешков.

Денис сел. Лицо его было отрешенным, взгляд сосредоточенным, а по лбу медленно стекала капля пота. Указательным пальцем ученый поправил очки, потер щеку, забрызганную чужой кровью, посмотрел на свою ладонь и встал.

Беловолосый перезаряжал пистолет, наблюдая за зданием, откуда появилась тварь. Старик с усачом повернулись к противоположной стороне улицы, выставив стволы. Леша двумя руками поднял «Макаров», а Багрянец растерянно топтался на одном месте, вертя головой.

Зарокотал двигатель «трактора», оставшаяся снаружи женщина запрыгнула на подножку. Усач произнес несколько слов, и Денис перевел:

– Отсюда надо уходить.

– Ехать, – поправил старик. – Ехать быстро. Магулы – много, опасно. Ехать!

На русском он говорил с сильным непривычным акцентом, но быстрее, увереннее, чем Явсен.

– В этой штуке? – спросил Багрянец. – Слушайте, есть у кого-то рожок? Я пустой...

– Держи, Павло, – Леша достал из подсумка автоматный магазин. – Но без спросу не стрелять, понял? И Кирюху не задирай.

– Магул, – показал усач на тварь, лежащую у ног Дениса и Кирилла. – Магул руота данга.

– Злое животное, – перевел ученый.

Старик сказал несколько фраз, дважды повторив слово «айрин», и усатый поспешил к узкому просвету между зданиями справа.

В верхней части улицы из снежной пелены появились обезьяньи силуэты. Трактор, постепенно разгоняясь, ехал вниз. Толстяк рулил, а женщина забралась на кабину и открыла огонь по тварям.

– Артемай? – громко спросил старик. – Ат Артемай?

– Интересуется, где шеф, – перевел Денис. – Бет, э... бет Артемий.

Старик воззрился на него:

– Бет варт?!

– Варт.

Около десятка магулов длинными скачками приближались к ним, и Багрянец, не выдержав, дал длинную очередь из автомата. Две твари упали, остальные бросились к башням, мгновенно исчезнув в окнах и дверях.

Великан-терианец оживился. Одобрительно ухнув, вытащил из кобуры второй пистолет – револьвер, как у лысого офицера, которого в лагере на Красной площади подстрелил Явсен, но черный, а не серебристый и с коротким стволом. Показал на автомат в руке Багрянца, на свое оружие, предлагая то ли поменяться, то ли обсудить достоинства и недостатки стволов.

– Ни хрена не знаю! – отрезал Павел с вызовом.

В просвете, где исчез усач, зажглась желтая фара-полумесяц. Раздалось гудение, и на улицу выкатилась машина: закругленный покатый нос, открытая кабина, загнутые борта и широкие рыжие колеса.

В кабине, небрежно сжимая конец Г-образного рычага, восседал усач. Над головой его торчали стволы пулеметной спарки с ленточным питанием.

– Внутрь! – приказал старик, шагая к машине.

То один, то другой магул выскакивал из домов, делал несколько прыжков вниз по улице и снова прятался, прежде чем люди успевали выстрелить.

В машине оказалось четыре сиденья – водительское, два длинных вдоль бортов и одно, короткое, сзади. Между ними из затянутого кожей днища торчала пулеметная стойка, возле которой встал белобрысый великан. Усач рулил, старик сел на заднюю лавку, Багрянец и Леша у одного борта, Кирилл с Денисом – напротив. Когда машина, пропустив «трактор», покатила следом, старик посмотрел на землян и повторил:

– Бет Артемай?

– Варт бет, – подтвердил Денис.

– Ну, бли-ин, – протянул Багрянец и ладонью стряхнул с волос снежную крупу. Выглядел здоровяк растерянным и злым. – Что это значит, а? «Мертв Артемий?»
– «Совсем мертв»?

– Примерно так наши слова и переводятся, – кивнул Денис без тени улыбки.

– Ты лучше скажи: мы куда, на хрен, попали?!

– Не дергайся, Петруха, – Леша хлопнул Багрянца по колену. – Я понимаю, ты без капитана как без головы. Нервничаешь. Не бойся, я командовать буду. И Кирюху с этим вот пареньком ты не задирай.

– Они ж ботаны, – заворчал Багрянец. – Этот с саблей... Сачок бы взял! Саблей пули собрался отбивать? Мы таких в школе били...

– Ну и тупые, – пожал плечами Кирилл.

– Чего сказал?! – Багрянец приподнялся, и тогда Леша гаркнул ему в ухо:

– Курсант, сидеть!

Большое краснощекое лицо задеревенело, Павел плюхнулся на место и попытался сидя принять стойку «смирно».

– Слушаюсь, товарищ полковник!

– Не полковник я уже, – сказал Леша, – в отставке давно. А ты, Павлуха, пойми одну вещь: эти парни умнее тебя. Это не оскорбление, потому что вот ты их сильнее, а они – умнее, у каждого свои достоинства, э? Нам сейчас и мозг, и мышца нужна, так что никаких «ботанов» больше, понял?

– Ладно, – Багрянец отвернулся.

Леша хотел сказать еще что-то, но Киру эта болтовня уже надоела, он повернулся к старику-терианцу, ткнул себя кулаком в грудь и объявил:

– Кир. Я – Кир. – Затем по очереди показал на ученого, Лешу и Багрянца: – Денис. Леша. Мышца... то есть Павлуха.

Багрянец набычился, приподнимаясь, но Леша глянул на него предупреждающе, и курсант снова сел.

Ветер усилился, снег тоже, он сек лицо, падал за шиворот. Все подняли воротники. Кириллу в куртке – и то было холодно, а Денис в своем халате, под которым только белая рубашка да легкие костюмные брюки, уже заметно дрожал.

– Лукан, – старик коснулся пальцем своей груди. Показал на белобрысого у пулемета и на усача: – Батур. Айрин.

Водитель, удерживая рычаг одной рукой, оглянулся и сказал несколько слов, трижды повторив «Айрин» и постучав себя кулаком по груди. Великан стал молча поворачивать пулемет, потому что, когда несколько магулов стали догонять машины, на кабине «трактора» вскочила обритая женщина и подняла оружие.

– Так, малец, – обратился Леша к ученому, – а переведи-ка им...

– Мое имя Денис, – ровным голосом произнес тот.

– Да-да, Деня, так вот, спроси: это они поддерживали связь с Айзенбахом?

Услышав последнее слово, Лукан оживился и что-то спросил у ученого. Тот ответил, а потом голоса заглушила пулеметная очередь: Батур пустил пули над головами сидящих людей. Тусклые багровые вспышки замигали в окутывающем улицу холодном сумраке. С каждым выстрелом ствол, выпустив короткий язык огня, дергался назад. Лязгала, быстрыми рывками уходя в приемник, металлическая лента, с другой стороны конец ее, уже лишенный патронов, свешивался все ниже, пока не стал складываться горкой у ног Батура.

Оставив три тела на мостовой, магулы снова скрылись в окрестных домах. Пулемет смолк. Великан, сдержанно улыбнувшись, похлопал его по стальному боку, присел и поправил ленту.

– Нам надо все прояснить, – сказал Кирилл, поворачиваясь к Денису. – На моем ноутбуке была большая программа... В подвале ты сказал: метавирус, который попал к вам с Терианы. Его прислали именно эти люди? И позже, когда их операция сорвалась, они решили вытащить с Земли тех, с кем сотрудничали?

Денис снова обратился к Лукану, и тот, выслушав, кивнул. Что-то сказал, снова кивнул... Кирилл подумал: а может, у них, как у болгар, кивок означает «нет», а покачивание головой – «да»?

– Они знают пеона по имени Явсен? – спросил Кир.

– Явсен! – выкрикнул усатый Айрин и тоже закивал. – Хату инакатри батар Явсен?

Лукан произнес длинную фразу, дважды упомянув Явсена. Денис молча глядел на него. Лукан повторил вопрос медленнее, добавил несколько слов на русском – «гибель», «варханы», «человек», – тогда Денис, показав на Кира, ответил:

– Да, это он. Ори агрианты баста... бастра скерлагос.

– Хадук арея агрианты? – спросил старик. – Плохо? Неудача?

Батур, Айрин, Лукан – все уставились на Кирилла.

– Хадук, – подтвердил Денис. – Арея хадук, неудача.

– Это вы о чем, парни? – спросил Леша.

– Теперь они знают, что именно он носил вирус в лабораторию Бурового, – пояснил Денис.

– Ходок, стало быть. Так, хорошо, с этим позже разберемся, сейчас задавай вопросы и переводи мне ответы. Мы на Териане?

Денис спросил. Лукан не успел ответить – Айрин, вновь оглянувшись, выкрикнул несколько слов. Лукан сердито заговорил, кажется приказывая ему заткнуться и смотреть на дорогу. Денис подтвердил остальным землянам: это именно

Териана, – и тогда Леша начал задавать другие вопросы. Ученый сбивался, пытался сформулировать и так, и этак, когда Лукан отвечал – часто переспрашивал, непонимающе хмурился, шевелил губами, повторяя про себя незнакомые слова... А машины катили между развалинами низких башен, сквозь усиливающуюся пургу, поворачивая то влево, то вправо, и постепенно, слово за словом, земляне начинали понимать происходящее.

Этот город назывался Наргелис, и он был столицей государства Наргал. Единственного государства Терианы. Наргальцы – не коренное население, они пришли сюда «извне», хотя произошло это так давно, что события тех времен превратились в миф. Земли вокруг Наргала населены дикими животными и племенами магулов, среди которых попадаются и звероподобные, и более разумные, хотя все дикари кровожадны и опасны.

Варханы здесь уже долго – много лет, если Денис правильно сумел сопоставить временные отрезки. Когда-то над Наргелисом возник купол, под которым появились порталы, откуда и вышла вражеская армия.

Но купола нет. Что с ним стало?

Оказалось, что терианцы уверены: темники, ученые варханов, способны регулировать размеры купола. Постепенно здесь накапливались все более мощные силы, и когда вражеское командование решило, что Орда готова, – купол увеличили. Подчинив открывшиеся земли, расширили еще, потом еще... в конце концов он накрыл всю страну с частью территорий вокруг нее.

Как варханы управляют куполом?

Через свою машину, купольный генератор.

Откуда они им управляют?

Из места, название которого Денис перевел как «Бастион». Варханы часто называют его и другим словом – «Центаврос», и вслед за ними так это место стали называть и терианцы.

Где находится Бастион-Центаврос?

В другой части города, за рекой. И очень хорошо охраняется.

А где находимся мы?

В Диком городе – заброшенных кварталах Наргелиса. Здесь живут только беженцы да приبلудные магулы.

А за рекой – только варханы? Там есть терианцы?

Да, много. По большей части они работают на фабриках, на полях и в обслуге. Есть и рабы – полностью бесправные. Есть манкураты – люди с «вычищенным мозгом», как перевел Денис. И добавил: многих здоровых детей варханы забирают в Орду, навсегда разлучая с родителями.

Куда мы едем?

Тут Денис снова затруднился. «Пада» – то есть «место», перевел он. Едем в «место у реки». Какое место? – непонятно.

Последние вопросы задавал Кирилл. Когда исчез купол? Он предположил, что «пробой» туннеля в новый мир автоматически гасит купол в том, из которого этот туннель пробит, но оказалось, что терианский купол пропал всего сутки назад. Это сопровождалось большими... «возмущениями», сказал Денис. А Лукан проронил несколько других слов: «опасность», «беда», «много» и «боль».

Почему купол пропал?

Лукан удивился. Конечно, потому что был открыт проход на Землю. Там – возник, тут – исчез... Кирилл возразил: он тоже так сначала подумал, но на Земле купол появился не сутки назад, гораздо раньше. Старик покачал головой, открыл рот, чтобы ответить, и тут разговор прервался.

Машины остановились на краю большой площади, через которую шли люди в лохмотьях. Зашевелился Батур, Айрин поднял руку и что-то негромко сказал. Согбенные силуэты брели в потоке снега. За их спинами вспыхнули фары, сквозь вой ветра донеслось гудение – и на площадь выехали три тачанки с броневином во главе.

Варханы начали стрелять, оборванцы побежали. «Трактор» попятился, Айрин тоже дал задний ход. Две тачанки повернули следом, Батур и женщина на кабине «трактора» открыли огонь, к ним присоединились Лукан, Багрянец и Леша.

Им повезло – первая тачанка, у которой задымился пробитый пулями «Калашникова» мотор, встала прямо посреди узкого въезда на улицу. Вторая из-за этого тоже остановилась, что позволило машинам повстанцев отъехать назад и свернуть в переулок. После этого они некоторое время петляли в усиливающейся метели, пока Лукан не прокричал сквозь вой ветра, что обязательно надо укрыться, пока не поднялась буря.

Кирилл недоуменно огляделся. Ветер выл, колкие сухие снежинки били в лицо – и это еще не буря? Леша бодрится, но видно, что мерзнет, Багрянец потирает руки и притоптывает о днище машины, а Дениса от холода уже всего трясет...

Отделавшись от варханов, они опять поехали под уклон, и вскоре дома расступились. Впереди лежала река, широкая полоса черной как смоль воды, по которой плыли льдины. В пурге на другом берегу мерцали огни, виднелись силуэты домов и остроконечные горы вдали. Среди них – одна, самая большая, настоящая громада, на склонах которой горели пятна света.

От дальнего берега отходили каменные молы, у некоторых стояли корабли, похожие на те, что плавали по земным рекам в первой трети двадцатого века. Киру показалось даже, что он различает несколько колесных пароходов. Левее, где река плавно поворачивала, исчезая из виду в сплошной стене снега, в воду вдавалась широкая площадка, на которой высились два подъемных крана с длинными «стрелами». Возле порта стояла груженная баржа.

С той стороны была жизнь. А с этой – лишь разбитая мостовая, полузатопленные горы щебня да темные развалины. Покосившиеся каменные постройки торчали прямо из реки в нескольких метрах от берега, течение толкало к ним льдины, они бились о камни, качались, сталкиваясь и треща, образовав возле руин небольшой затор.

Машины встали около глубокой канавы, по которой от реки бежал поток воды. Через канаву вел мост, с другой стороны начиналась каменная кладка, похожая на остатки стены какого-то большого здания.

– Что дальше делаем, парни? – выпрямился Леша.

От порыва ветра машина качнулась, скрипнув рессорами. Старика чуть не сдуло на мостовую, он вцепился в борт и мучительно закашлялся.

У другого берега баржа выпустила из трубы столб дыма и с низким гудением поплыла против течения, расталкивая льдины широким носом.

Раскрылась дверца «трактора», толстый терианец высунулся наружу, спросил что-то, Айрин ответил, замахал руками. Лукан и Батур спрыгнули на камни, когда из-за стены показался человек с синим светильником в руках.

– Тетка, – нахмурился Багрянец. Ему все происходящее явно не нравилось.

На женщине были заправленные в сапоги меховые штаны и длиннополая куртка, на голове платок, а поверх еще капюшон. Она подняла светильник выше.

– Мариэна! – позвал усач.

Остановившись на краю моста, она бросила несколько слов, развернулась и пошла назад. Машины одна за другой покатили вдоль канала, свернув на мост, проехали через пролом в стене. За ним открылась большая квадратная дыра в земле, над которой наискось торчала железная плита. В синем свете виднелись шестерни поворотного механизма.

Мариэна первой пошла по наклонному настилу, ведущему под землю, за ней Лукан с Батуром, следом поехали машины. Не замедляя шага, женщина перекинула рубильник на стене. Вверху заскрипело, плита быстро опустилась, закрыв путь к отступлению. И сразу впереди зажегся свет.

Глава 2

В одном Максар бер'Грон был уверен: это не рядовое дело. Если терианские еретики решились отбить ворсиб, мобильную порталную машину, чтобы с ее помощью вытащить с Земли своих пособников, значит, происходит нечто очень

важное.

Что?

Заговор против Бер-Хана, Ставки, против всей Орды.

Спрыгнув в пролом, командер очутился в Г-образном помещении. Он достал револьвер, обошел опрокинутый шкаф, хрустя осколками, выглянул из-за угла.

Перевернутая койка и два тела в окровавленных простынях, а дальше... Командер понял: там было Око. Подсказал глаз – тот, невидящий, спрятанный под бинтами. Дрожь пространства передалась нерву и через него пульсирующей болью проникла в голову. Око исчезло совсем недавно, это было понятно по едва ощутимому эху.

Возле противоположной двери припал на одно колено солдат Орды с многострельным оружием, которое аборигены называли автоматом. Он чуть было не выстрелил в мастер-командера, лишь в последний момент понял, кто появился из-за угла. Вскочив, бросился назад, но Максар приказал, широко шагая следом:

– Стоять!

Боец повернулся. Это был берсер – потомственный воин, что сразу стало ясно по его внешности. Поэтому он без боязни смотрел командеру в лицо.

– Видел, кто скрылся в Оке? – осведомился Максар.

Выслушав ответ, он быстро покинул комнату. Пересек зал, обстановку которого составляли длинные столы с приборами, и выглянул на полутемную винтовую лестницу. На верхних ступенях, усыпанных камнями и обломками кирпичей, стояли несколько бойцов. Один пытался приподнять крышку люка, из-за которого доносились выстрелы.

– Что там? – спросил командер.

– Они вышли этим путем и завалили люк сверху, – доложил кто-то.

Ни слова не говоря, Максар развернулся. Снова пересек зал, поднялся по другой лестнице, мимо расступающихся бойцов, мимо вывороченной железной двери, по коридору, поворот – и вот он в одной из комнат нижнего этажа.

Здесь на стуле сидел темник Эйзикил, а возле окна застыли капитан Сафон и сержант.

Максар подошел к ним. За окном мигали вспышки выстрелов, сбоку протянулись желтые лучи фар, освещая площадку, где обитатели этого мира ставили свои самоходные повозки. Там виднелась приземистая будка, кажется, это и был заваленный беглецами выход. Возле будки лежало тело одного из врагов. Плохо, что у них автоматы, а у отряда капитана Сафона – нет. Стоило перевооружить бойцов, и они просто подавили бы противника численным превосходством, подкрепленным огневой мощью. В лагере остался целый арсенал местного оружия и боеприпасов, но времени перед операцией не хватало – получив приказ от Косты, Максар поспешил выехать сюда, чтобы захватить шпиона терианцев.

За спиной заговорил Эйзикил:

– Командер Бер’Грон, не следует ли... – Он осекся, когда снаружи раздалась длинная очередь.

Максар окинул взглядом своих людей: у Сафона пистолет, а у сержанта – разрядник.

– Ты – за мной! – приказал он сержанту и быстро вышел из помещения.

Командер взбежал на второй этаж, заскочил в одну из комнат и распахнул окно прямо над тем, возле которого внизу остались капитан с темником. Сержант остановился рядом, Максар приказал: «Приготовься стрелять» и сам достал револьвер.

Теперь сверху они лучше видели беглецов, отступающих за трехэтажное здание с большими окнами, – в таких постройках часто располагались местные торговые лавки.

Стоящий за будкой высокий светловолосый человек выкрикивал приказы, и Максар безошибочно определил в нем командира.

Для револьвера расстояние было великовато. Командер ткнул пальцем:

– Стреляй!

Зашуршала свисающая с разрядника бахрома, сержант приставил приклад к плечу. Командер тоже поднял оружие, целясь в одного из вооруженных аборигенов, торопящихся к просвету между домами. Последним из-за будки побежал светловолосый.

Сержант, ведя за ним стволом, вдавил спуск. И одновременно к окну, за которым они стояли, от верхнего этажа магазина протянулась сияющая алым спица разряда.

Она впилась сержанту в грудь, отбросила назад. Когда разрядник сработал, вархан уже падал, ствол качнулся кверху – и алая молния, вместо того чтобы поразить светловолосого врага, ударила в стену здания, откуда неизвестный выстрелил в сержанта.

Причем воспользовался он для этого оружием Орды!

Максар схватил выпавший из мертвых рук разрядник, вскинул, но прицелиться не успел – светловолосый уже свернул за угол.

Снизу раздался окрик Сафона. Бойцы, раньше медленно пробиравшиеся между чужими машинами, пошли в атаку. Часть побежала к повозкам.

Максар бер’Грон уставился на торговые ряды. За разбитым окном верхнего этажа мелькнул и тут же пропал силуэт – стрелок, кто бы он ни был, отступил. Он не должен покинуть здание!

Командер перепрыгнул через тело сержанта и побежал на первый этаж.

* * *

Когда высоко над головой мелькнул алый разряд, Игорь Сотник споткнулся о бордюр и едва не упал.

Молния ударила в стену магазина, к которому он бежал. Но произошло это через мгновение после того, как оттуда выстрелила другая – в сторону «Старбайта».

В здании кто-то есть – союзник! Вот только кто? Мелькнувшая мысль показалась невероятной – неужели?.. Но тут он догнал остальных и забыл о своей догадке.

Костя Гордеев, Лабус, бежал с СВД за спиной и «Макаровым» в руках, а у Алексея Захарова, которого называли «Курортником», на груди был «бизон». Не отставали охранники: круглолицый Миша, молокосос Григоренко, верзила Партизанов и их шеф Лагойда. Второй «бык» по фамилии Манкевич остался лежать, подстреленный в шею, возле будки, через которую они выбрались из подвала.

Впереди всех бежали Яков Афанасьевич с Явсеном.

– На Орлово-Давыдовском влево сворачивайте! – крикнул Игорь.

Они повернули под звуки выстрелов, льющихся сзади, и свист пуль вокруг. Сразу стало темнее: фары чужих машин и синие лампы на шестах больше не светили им в спины.

– Почему влево? – крикнул Лагойда.

– Там наши машины! – вместо Игоря ответил Курортник. – Обойдем через Капельский, по Гиляровского, и снова к ним попадем!

– Какие еще машины?! – возмутился Лагойда. – Вы что задумали? Отсюда уходить надо – подальше и побыстрее!

В разговор вступил Лабус:

– Такие еще машины, которые мы оставили, когда в контору к вам сунулись!

– Они рядом со «Старбайтом»?!

– Ну так и что? Они нам нужны!

– Вам нужны, а нам нет! Надо...

– Вот и беги куда тебе надо, а мы – куда надо нам! – отрезал Лабус.

Они спешили через темные дворы, впереди Яков с Явсеном поворачивали между зданиями, а сзади то стихал, то нарастал гул моторов.

– Григоренко, Партизанов, Миша – за мной! – приказал Лагойда, свернув в сторону Красносельского района, но тут нагнавший его Лабус поставил подножку.

Ростислав Борисович полетел на асфальт, все остановились. Костя, по инерции перескочив через упавшего, крикнул:

– А вот людей своих ты не заберешь! Потому что они теперь не твои люди. Вы трое, за мной! – он быстро шагнул дальше, собираясь бежать.

– А куда вы... – начал Миша.

– Нам лучше не разделяться, – пояснил Игорь, в то время как Лагойда встал на колени, тронул разбитый об асфальт нос и выругался.

– Но куда вы хотите...

Желтый свет фар становился ярче, и все громче гудели моторы. Подняв «бизон», Курортник пояснил:

– У нас спецавтобус, который не заглох из-за купола, и трофейная БМП.

Лагойда встал, положив ладонь на рукоять пистолета в кобуре под мышкой, но не решился достать его. Окинул взглядом людей вокруг. Глаза его блеснули зло, почти с ненавистью.

Далеко впереди раздался крик Якова Афанасьевича:

– Почему встали? Бегом, они едут!

– Он, – Сотник показал на бывшего шефа СБ «Старбайта», – вам теперь не начальник. Теперь есть только мы и враги. А среди нас – военные и гражданские. Эти двое – прапорщики ФСБ, я – капитан военной разведки, еще с нами полковник в отставке. Так что выбирайте.

Он посмотрел в маленькие глазки Партизанова, на Григоренко, на Мишу – и прикинул, что пожилой охранник с круглым хитроватым лицом первый примет решение, а вот Партизанов по тупости своей откажется примкнуть к ним, сохраняя верность боссу... но верзила вдруг шагнул к Игорю и сказал:

– Ну, я с тобой. Ходу, что ли? Вон, едут...

Первые машины преследователей выруливали в их двор.

– Партизанов... – начал Лагойда, но тот, не обращая на бывшего шефа внимания, тяжело потрусил вслед за Яковом и Явсеном, которые, как только тачанки показались во дворе, припустили дальше.

– Я с вами! – выдохнул Григоренко – и тоже побежал.

Круглолицый Миша неуверенно посмотрел на Лагойду:

– Я останусь, Ростислав Борисович, приказывайте.

Тот вдруг широко улыбнулся, тыльной стороной ладони стер натекащую из носа кровь.

– Ладно, вояки, ваша взяла. Надо держаться вместе, так что я пока с вами. Ну, чего встал, бегом!

В этот миг лучи сразу нескольких фар озарили их. Застучали выстрелы, и все сорвались с места.

Вскоре, миновав переулок, улицу Гиляровского и несколько дворов между нею и проспектом Мира, они очутились в узком закутке: с одной стороны гаражи, с другой – заросший кустами огороженный скверик.

Яков с Явсеном уже открывали люк на башне БМП.

– А Кирилл с Лешей? – крикнул Яков. – Они...

И замолчал.

– Нету их, – ответил Сотник, в то время как Лабус с Курортником откатывали стальную плиту передней дверцы автобуса. – Там остались.

– И Павлуха, – Яков сел на краю башни, свесив ноги. – Явсен сказал: там портал появился, в подвале, когда мы убегали. Он... я плохо пока его понимаю, но, по-моему, он говорит, что портал открыли эти, которых Денис, ну, молодой ученый из «Старбайта», назвал «еретиками». То есть вроде как союзники наши. У меня одна надежда: парни спаслись в портале.

Зарокотал двигатель броневика, и голова Явсена показалась из люка.

– Идти! Здесь! Идти, быстро, важно!

– Садимся, – решил Сотник. Он хотел разделить новичков, чтобы не выкинули чего-нибудь под руководством хитрого Лагойды, поэтому приказал: – Партизанов, Миша – в броневик, Лабус, ты тоже давай с ними. Курортник, Лагойда, Григоренко – с нами в автобус. Отъезжаем отсюда подальше, но только тихо!

* * *

Максар бер'Грон приподнялся на лавке и стукнул по плечу капитана Сафона, который вел повозку. Это была обычная машина, разве что борта чуть повыше и усилены дополнительным слоем железа – командер презирал комфорт, никакой мягкой обивки, никаких пружинных спинок, ничего такого. Теперь, когда Бер-Хан стар и немощен, в Ставке гонятся за роскошью, но Максару это чуждо.

Сафон остановил машину. Желтый луч фары озарял движущиеся навстречу повозки и бегущих бойцов. Когда опередивший всех сержант остановился, капитан приказал:

– Докладывай.

– Они исчезли, – тяжело выдохнул сержант. – Потеряли их среди домов.

Максар задумчиво глянул на сидящего позади Эйзикила. Тот перебирал четки из сайдонского янтаря – прозрачные овальные бусины с ярко-белыми «зрачками» внутри. Сайдон, вторая колония, состоял в основном из теплых парных болот и пологих островов, на берегах которых тамошние дикари находили этот янтарь.

– Нам надо поговорить, бер’Грон, – произнес темник.

На пальце старика блеснул перстень, и Максар присмотрелся – раньше командер его не замечал, вообще впервые видел, чтобы темники носили подобное украшение. Выступ на перстне имел форму шестерни, внутри которой была заключена человеческая фигура.

Максар поднял взгляд на лицо Эйзикила. Тот напоминал ящера-трупоеда из сайдонских болот: тощего, гибкого, с гипнотическими глазами... К тому же темник был очень старым ящером. Умным, хитрым и опасным. Интересно, какое место он занимает в Гильдии, какой властью обладает? И скольких людей он сожрал на своем жизненном пути?

– Но не сейчас, позже, – добавил Эйзикил. – Вообще-то я собирался в Центаврос...

Максар возразил:

– Бастион только строится.

– Конечно, и я хочу увидеть это. Возведение нового Центавроса – что может быть более волнующим? Найдется для меня шатер в тамошнем лагере?

– Конечно, но отсюда до центра оккупированной зоны далеко.

– Мы уже подчинили эту территорию, – возразил темник.

Какой бы властью в Гильдии ни обладал старик, здесь командовал Максар, и он не собирался уступать.

– Очаги сопротивления остались. Это не Сайдон и не Териана, у местных мощное оружие.

– То есть, невзирая на количество переброшенных сюда отрядов, ночью в городе все еще опасно?

– Без сомнения. Только что на моих глазах убили сержанта – выстрелили из окна. Стрелка так и не нашли. – Командер решил, что сейчас честность будет для него лучшей политикой: – Я не боюсь, темник, но я не желаю твоей преждевременной кончины. Мне пока не ясны твои цели. Для чего ты прибыл из терианского Бастиона, причем сразу вышел на меня?

Максар замолчал, мысленно продолжая произнесенные вслух слова: последнее время между Гильдией темников и Ставкой, то есть ближайшим окружением Бер-Хана, усилились трения. Так зачем ты прибыл, темник Эйзикил, что у тебя на уме?

Старик ответил в лучших традициях Гильдии, витиевато и слегка напыщенно:

– Я тоже не боюсь, мастер-командер, ведь все мы – лишь чешуя на теле вечного Бузбароса. И все же, пока миссия моя не завершена, мне, как и тебе, не хочется, чтобы прилетевшая из темноты вражеская пуля оборвала мое существование.

Встречные машины остановились, пешие, окружив повозку командера, молча ждали. Со стороны разрушенного здания, в подвале которого еще недавно прятались беглецы, доносился рокот моторов и голоса.

– Раз мы с тобой понимаем друг друга, то сейчас направимся в Красный лагерь, откуда я прибыл, – сказал Максар. – Переночуем там, а завтра – к Центавросу.

Неторопливо перебирая янтарные четки, каждое звено которых символизировало Око – очередной шаг на великом Пути Орды, – темник Эйзикил

кивнул.

* * *

Когда проспект Мира остался далеко позади, броневик приостановился, помигав стоп-сигналами.

За рулем автобуса сидел Курортник, Игорь пристроился на откидном сиденье рядом с ним, Григоренко и Лагойда, держась за поручни, разглядывали салон.

– Почему тормозят? – пробормотал Алексей, в то время как БМП свернула на газон возле жилого дома и медленно покатила дальше.

Откинулся люк на башне, показался Яков. Неловко двигаясь из-за раненого плеча, спустился по скобам, прыгнул на ходу и побежал назад к автобусу.

Алексей перекинул тумблер, и стальная плита передней двери со скрипом откатилась вбок. Встав у проема, Игорь протянул руку, но Яков самостоятельно заскочил внутрь. Дверь за ним закрылась.

– Ну что, парни? – полковник в отставке вновь казался бодрым, деятельным, хотя под глазами его залегли круги, а лицо осунулось – сказывалось ранение. – Как у вас?

– Кто Явсена стережет? – спросил Курортник. – А то одному мы уже поверили.

Яков потрогал раненое плечо:

– Костя за ним следит в оба глаза, пистолет в кобуру не прячет. Никуда пеон не денется. Твоя подозрительность понятна, Лексей, но согласись: пока мы убегали, он много раз мог скрыться. Так вот, что я хочу сказать, слушайте внимательно...

Лагойда и Григоренко с Игорем повернулись к нему, Курортник продолжал смотреть на дорогу. Машины тихо катили по темным дворам, объезжая брошенные автомобили, скамейки и перевернутые мусорные баки.

– Я только что с Явсеном плотно пообщался, – продолжал полковник в отставке. – Я на их языке, какие-то отдельные слова коверкая... ну, вы понимаете. Он на нашем... У него, кстати, с русским получше, чем у меня с лингвейком, так их язык называется, он даже целые фразы может складывать, хотя и неловко. Так вот, Явсен утверждает, что они прибыли сюда из иного... ну... – Яков пошевелил в воздухе пальцами.

– Мира, – подсказал Сотник. – Это давно понятно было.

– Ближе скорее будет слово «реальность». Из другой реальности, я бы сказал – альтернативной. Там тоже люди обитают, ну в смысле – гуманоиды, но...

– Какие гуманоиды, что это значит? – спросил Григоренко.

– Значит, две руки у них, юноша, две ноги, одна голова, в которой мозг. Не слизни какие-то невероятные и не разумные шары света, а люди, человеки. А это дает надежду, что и психология их нам будет понятна, мотивация, устремления. Так вот: варханы – они не из той реальности, из которой к нам вся эта компания завалилась, а из другой. Она называется Ангулем, то есть сами варханы так ее зовут, а эта, из которой Явсен, – Териана. Она тоже оккупирована.

– Вся? – уточнил Игорь. – Сколько варханских войск там? Снабжение какое? Боеприпасы?

– На Териане тоже купол или нет? – встрял Лагойда.

– Этого не знаю, – покачал головой Яков. – Говорю же, трудно нам еще друг с другом общаться. Я на многие свои вопросы ответов просто не понял. Или Явсен не понял вопросов. Тем более, он эмоциональный такой – торопится, руками размахивает, волнуется... Но одно я точно знаю: у нас есть союзники. И, главное, парни, Явсен что-то еще такое говорит, что-то про скорость... Я никак не могу понять! Но он вот что утверждает: нам очень, подчеркиваю – очень быстро надо действовать. Сейчас каждый день на счету, а может, и час. Еще немного, и варханов будет не остановить. Они что-то собираются сделать... Вот это: «Бум!» – Яков хлопнул ладонями, имитируя жест, который они видели у Явсена. – Какой-то, короче говоря, «бабах!» произойдет – и тогда все, конец.

– Чему конец? – уточнил Лагойда, слушавший с явным недоверием.

– Ну не знаю я! Но Явсен очень этого «бабаха!» боится.

Снаружи донеслось тявканье. В свете фар за лобовым окном шмыгнула тень, следом вторая, потом еще – стая горбатых гиен пробежала между машинами и канула в темноте.

– Куда они едут все-таки, Яков Афанасьевич? – спросил Курортник, глядя на поворачивающий броневик.

– Пусть едут, Алексей, там Миша за рулем, он, по его словам, водитель со стажем, и я ему сказал...

– Что сказал? – насторожился Лагойда. – Мы сейчас к Красной площади едем – зачем?

Тон его Игорю не понравился (ему, впрочем, в Ростиславе Борисовиче не нравилось почти все), и он повернулся так, чтобы видеть и Якова, и Лагойду. Тот шагнул ближе – правая рука приподнята, явно для того, чтобы в случае чего побыстрее выхватить пистолет из кобуры.

– Яков Афанасьевич, объяснитесь, – попросил Игорь.

Курортник добавил, притормаживая:

– Только коротко, потому что дальше я не поеду, если не буду знать куда.

– Явсен говорит: на Териане у нас есть союзники, – повторил Яков. – Повстанцы, к ним и попали Леша с Кириллом. Явсен работает на них. Он утверждает, что нам обязательно надо выйти с ними на связь. Немедленно.

– Чтобы спланировать совместные действия? – уточнил Игорь.

– Именно.

Алексей вдавил педаль тормоза. Мигнув фарами броневiku впереди, он повернулся на сиденье и спросил:

– Как связаться? Они же в другой реальности.

– Явсен утверждает: в лагере на Красной площади есть передатчик. Устройство связи вроде того, через которое повстанцы вышли на Айзенбаха, а командование Орды – на Буревого. И это устройство мы должны выкрасть. Сейчас, ночью, потому что потом будет поздно.

Глава 3

Открыв глаза, Кирилл сел на койке и первым делом ухватился за катану, которую оставил на столике рядом.

Буря разыгралась нешуточная – в этом сезоне такие иногда случаются, но, по словам Лукана, заканчиваются быстро.

Кир поднял руку, разглядывая перстень-часы на указательном пальце, подаренные Батуром. Секунда, минута, час, месяц, год – все эти слова имели сейчас условный смысл, потому что ни Денису, ни ему, ни Леше с Багрянцем до сих пор не удалось четко соотнести местный способ деления времени с земным. Восьмиугольный циферблат, незнакомые значки и три стрелки, движущиеся с разной скоростью... Насколько он сумел понять, терианцы делили сутки на восемь больших отрезков, именуемых кассеры. Те, в свою очередь, делились на восемь частей – тангеры, а всего таких единиц в исчислении терианцев не то шесть, не то семь, причем крайние – алки — совсем короткие, явно меньше секунды. Стрелки на часах показывали кассеры и два промежуточных отрезка, и всё это очень сбивало с толку. Одно Кир уяснил точно: есть три дневных и три ночных кассера, а также один утренний и один вечерний. Хотя, конечно, длина дня меняется в зависимости от времени года... Причем насчитывается восемь сезонов – и сейчас стоит тот, который в земном варианте соответствовал бы, скорее всего, концу зимы.

Он обулся, поправил мятую рубашку. Из-за бури они должны просидеть в укрытии примерно половину кассера. А сколько это времени в земном исчислении – еще предстояло разобраться, потому что все наручные часы землян при переходе через портал остановились и заводиться отказывались.

На столике обнаружился изящный металлический кувшин с напитком, смахивающим на клюквенный морс, и миска с бутербродами – суховатыми хлебцами, смазанными бледно-зеленым маслом, имевшим одновременно травяной и сырнй привкус. Прислушиваясь к тихим голосам за дверью, Кирилл взял бутерброд и стал жевать. Местные называли их канюки. Одеваясь, он съел два канюка, запил морсом.

Кроме кровати и столика в маленькой комнате стояли синий светильник и железная корзина с углями. Тепла она уже почти не давала, пришлось размяться, поприседать и помахать руками. Делая зарядку, Кир разглядывал обстановку. Светильник отличался от тех, которыми пользовались варханы на Земле: пониже и на широкой подставке с тремя ножками. Что за труха там светится – не понять, но она разгоралась, если светильник тряхнуть, и после очень медленно угасала. Стены, пол, потолок – всё из зернистого камня, сохранившего фактуру ракушек. На полу потертый красный ковер с узором из квадратов, треугольников и ромбов. Кровать, столик – самые обычные, только столешница восьмиугольная. А вот корзина... Он присел над ней. Как и кувшин, очень тонкая работа: глубокая «лодочка» на четырех гнутых ножках, в которой тлеют угли, накрытые узорчатой решеткой. Узоры – тоже сплошные геометрические фигуры.

Приоткрыв дверь, Кирилл выглянул. Когда-то это был просто обширный двухуровневый подвал под большим зданием, состоящий из нескольких коридоров и десятка помещений. А теперь он превратился в место, то есть в базу повстанцев. Но не основную, в этом он был уверен. Да и Леша сказал то же самое, как только они очутились здесь.

Машины оставили в зале, где уже прятались два терианских автомобиля с длинными кабинами и фарами-полумесяцами. Там хозяйничала парочка механиков. Они тут же занялись «трактором» – и по блеску их глаз можно было догадаться, как давно они ждали встречи с этим устройством.

Кир миновал коридор и перед лестницей свернул налево. Вошел через арочный проем в большое помещение с накрытым столом, длинной лавкой и несколькими стульями.

Ближе к двери на конце лавки медленно раскачивался из стороны в сторону, держась за горло, Леша – остроносый, морщинистый, всклокоченный, похожий

на старого больного воробья. Все в той же «горке», которую он впервые надел еще в водонапорной башне, черных ботинках и камуфляжном платке-бандане, расправленном и наброшенном на плечи. Дальше сидел Денис, выпрямив спину, положив руки на колени и глядя прямо перед собой. Костюмные брюки, белую рубашку и лабораторный халат он сменил на меховые шаровары и плотную шерстяную рубаху, поверх которой накиннул куртку из светлой кожи. За ним, одетый примерно так же, устроился Багрянец со стаканом в руке, а по другую сторону стола расположились встретившая их возле базы Мариэна и кудрявый усач Айрин.

В углу возле двери исходил жаром железный ящик с углями, рядом виселась оружейная пирамида.

– Кирюха... – тихо продребезжал Леша и закашлялся. – Заходи... Садись вон там... Как спалось?

Он пододвинулся, и Кирилл присел между ним и Денисом.

– Нормально. – Кир кивнул на кувшины: – Это спиртное?

– В одном сухое вино, – пояснил Денис, – в другом субстанция, по вкусовым качествам напоминающая компот.

– Винище у них вроде и слабое, – влез Багрянец, – а в башку так шибает.

– Субстанция, значит, – пробормотал Кир, беря кувшин. После зеленых канюков (а на столе были еще желтые и белые канюки) хотелось пить.

Откинувшись к стене, Багрянец хлебнул из стакана и прикрыл глаза. Денис сидел неподвижно, терианцы рассматривали Кирилла. Леша наконец справился с приступом. Налив себе вина, он сделал глоток, потер ладонью горло.

– Ты знаешь, Кирюха, что оказалось? Шестеро местных погибли, чтобы нас с Земли вытащить. Эти парни, которые нас сюда привезли, – остатки отряда, напавшего на варханов. И напали они, чтобы... как там оно называется, Деня?

– Чтобы отбить маленькую порталную машину, – сказал Денис. – То есть малую. На их языке такое мобильное устройство называется «ворсиб».

Он протянул руку к стоящей перед ним чашке, взял, поднес к губам, отпил, поставил назад... Кирилл искоса наблюдал за молодым ученым. Тот двигался очень сдержанно, точно и скупно, словно не хотел делать ни одного лишнего движения и старался изгнать из своих жестов, выражения лица, интонаций голоса ненужные эмоции. Станный тип... Хотя, подумал Кир, мне вечно всякие чудные личности попадают. Яков с Лешей, что ли, заурядны? Да я и сам, в общем-то...

Он перевел взгляд на Айрина. Усатый ерзал на стуле, постукивал по своей чашке ногтями и хмурился. Под расшитую красными нитями зеленую жилетку он нацепил какую-то невероятную разноцветную рубашку: тут тебе и плавные переливы всех цветов радуги, и правильные геометрические узоры.

Мариэна, одетая в комбинезон с меховым воротником, оказалась гораздо моложе, чем Кир решил поначалу. Не девчонка, но совсем еще молодая женщина. Темные волосы, темные глаза. Лицо осунувшееся и какое-то тусклое. Красавицей вроде не назовешь, но есть в этом лице что-то свое, индивидуальное – а ведь настоящую красоту только индивидуальность и создает. И смотрит так... пристально смотрит. Пронзительно даже – прямо на Кирилла, не отводя глаз.

Что означает ее взгляд, Кир не понял и просто отвернулся от Мариэны.

– Так вот, порталная машина, ворсиб этот, – продолжал Леша. – У наших друзей такой раньше не было, только передатчик, через который они связались с Айзенбахом. Для них, я так понял, невероятная удача заполучить эту машину.

Мариэна задала Айрину вопрос, в котором прозвучали знакомые слова «хадук» и «арея», и, когда усач ответил утвердительно, снова уставилась на Кирилла. Ему это надоело, и он громко спросил, кивнув на девушку:

– Почему она на меня так смотрит?

Повисла тишина, а потом Мариэна резко выпрямилась, едва не опрокинув стул, и заговорила, сверкая темными глазами.

Айрин безуспешно пытался прервать ее, усадить обратно. Доведя свою речь до конца, девушка оттолкнула его и быстро вышла из комнаты.

– Что она хотела? – спросил Кирилл у Дениса. – Ты что-то понял?

– Обвиняла тебя, – ответил ученый.

– В чем?

– Я не совсем... Сейчас. – Денис что-то спросил у Айрина. – В общем, во время захвата ворсиба погиб ее двоюродный брат. Они даже не смогли привезти сюда его тело.

– Ну... печально. А я тут при чем?

– Ты не сделал свою работу на Земле. А теперь еще брат этой женщины погиб из-за тебя.

– Из-за меня?

– Так она считает. Погиб, спасая нас, и тебя в том числе.

Кирилл устался в стол. В душе шевелилось неприятное чувство, которое посещало уже не раз: все это произошло по его вине. Если бы он тогда проинсталлировал вирус на лабораторные машины...

И что? – мысленно спросил он у себя. – Что произошло бы? У Буревоего ничего не вышло, зато технологией завладел бы Айзенбах. Он что, святой? Альтруист? Да куда там! Альтруисты не становятся олигархами. Он бы использовал все это для себя, для контакта с Ордой, для того, чтобы после начала Нашествия стать хозяином оккупированной территории, таким московским наместником. Да и вообще – Кир не спаситель человечества. Ему это не надо, ему и на человечество, в общем, наплевать, и людей он не очень любит. Так чего их спасать – тех, к кому, в лучшем случае, равнодушен?

Но тут в голове заговорил другой голос: ну да, не сильно ты их любишь, и что это значит? Что, желаешь им зла, мучений, смерти? Видел же, сколько в Москве погибло... Хочешь, чтобы и дальше гибли? Чтобы варханы на своих тачанках по знакомым улицам раскатывали, землянам дырки в черепах сверлили, подключали к своим чудовищным машинам?

Нет, не хочу, ответил Кир сам себе.

А хочешь этому помешать?

Хочу, конечно, но... Но не ценой своей жизни.

О цене пока речь не шла, возразил голос. Неизвестно еще, какая будет цена.

– А мы, Кирюха, с Луканом тут уже хорошенько пообщались, – дребезжал Леша. – Он все обстановку на Земле пытался выяснить. Хозяева наши утверждают, что тебе надо побыстрее вернуться.

– Именно мне? – уточнил Кир.

– Тебе, потому что ты «хадук». Как они там выражаются... «Хадук ареля», вот. Как бы перевести, Деня?

– Это многосмысловое слово. Я долго прикидывал и так, и этак, и получалось что-то вроде «вор света». А потом, – Денис скупно улыбнулся, будто отдавая должное самому себе, своему уму, – кажется, понял. У них ведь фотонно-кристаллические компьютеры. Фотоны, а? – он посмотрел на Лешу, на Кирилла, и последний кивнул.

– Ты понял? Фотоны – это свет. В данном случае «хадук ареля» переводится примерно как «хакер». «Вор света» – хакер, работающий с фотонными компьютерами.

– Ну и зачем мне назад на Землю?

– Мне показалось, Лукан и сам затрудняется с четким ответом, – сказал Денис. – У них есть некий человек...

– Омний, – подсказал Леша, и при упоминании этого имени Айрин многозначительно кивнул.

– Да, они называют его Омний, – с легким недовольством из-за того, что его вновь перебили, продолжал ученый, – и у меня сложилось впечатление, что он руководит, скажем так, научными разработками терианцев. Это он создал передатчик, при помощи которого они связались с Айзенбахом.

– А я думал, они этот передатчик они украли у варханов, как и порталную машину, – заметил Кирилл. – Ну хорошо, так где ваш Омний?

– В другом... месте. То есть на другой базе. Основной, и нам срочно надо попасть туда. Почему-то терианцы очень спешат. Утверждают, что срок проведения операции ограничен каким-то важным фактором, а...

– А еще, – снова перебил Леша, и Денис, скривившись, умолк, – этот их Омний вроде бы давно пытался создать порталную машину, но ничего не выходило. Раньше терианцы могли попасть на Землю только через, как их называют... через мерцающие порталы, которые сами собой возникают в районе купола. Но с ними попробуй угадай, а? То они вспыхивают, то гаснут...

– Закономерность есть, – возразил Денис. – Продолжительность жизни портала прямо пропорциональна его размеру. К тому же на нее влияет количество массы, которая проходит через портал в обе стороны. Мы поняли это еще во время переговоров с терианцами на Земле, до того как все началось. Я даже пытался вывести формулу, но не преуспел, мало данных. А вот место появления мерцающего портала – да, насколько знаю, это предугадать невозможно.

– В общем, теперь у терианцев есть свой ворсиб, – заключил Леша, – и они могут отправить обратно и нас, и своих бойцов. Надо только все спланировать и связаться с нашими парнями, которые остались на Земле.

– Да что спланировать-то? – спросил Кир. – Вы частите оба, перебиваете друг друга, и я не понимаю... В чем план, какая операция? Что они задумали?

Ответом ему был храп Багрянца, который привалился к стене и свесил голову на грудь, но так и не выпустил из руки стакан с вином. Храпел он раскатисто,

мощно, с посвистыванием и вибрирующими горловыми всхрипываниями. Некоторое время все слушали, потом Айрин широко улыбнулся и, уважительно кивнув на Павла, что-то сказал. Денис, поджав губы, острым локтем ткнул Багрянца между ребер. Тот всхрапнул, проворчал что-то и затих, но не проснулся.

– Какой план? – повторил Кирилл.

– Да ведь мы и сами пока не знаем, – сказал Леша. – Сейчас две вещи важны: попасть на основную базу и связаться с нашими. Только как? У парней нет передатчика, и вообще, они еще не в курсе того, что мы сейчас узнали.

– У них есть Явсен, – напомнил Денис.

– Ну да, это конечно. Явсен, стало быть, агент повстанцев в Орде. Лукан сказал, что, по их сведениям, где-то на Земле, то есть на строительстве земного Центавроса, действует еще агент, но не с Терианы, а сайдонский. Если бы с ним сойтись... Ладно, сейчас и разберемся, – заключил Леша, когда в помещение быстрым шагом вошел Лукан. Старик сел во главе стола, оглядел присутствующих и спросил:

– Ат Батур? Мариэна?

Айрин ответил. Лукан покачал головой и произнес длинную фразу, перемежая слова из двух языков. Денис перевел:

– Говорит, связался с основной базой и ему сообщили, что на Землю попал отряд терианцев. Через... через один из мерцающих порталов. Они там уже около трех кассеров.

– Ну, не очень-то и много, Деня. А что у них...

– У них неплохое вооружение. Количество оружия... – Денис поднял перед собой руку и стал сгибать пальцы, бормоча: – Унти, акти, мака, крита... пента. Пента – это...

– Пятьдесят стволов? – подсказал Леша.

– Неверно! – отрезал ученый. – У терианцев восьмеричный счет.

Кир на секунду прикрыл глаза:

– Тогда сорок.

Денис еще продолжал шевелить губами. Наконец он сказал:

– Так и есть. Пента – сорок единиц оружия.

– Неплохо для начала, – кивнул Леша. – Еще что?

Ученый заговорил с Луканом, потом ответил:

– Если коротко, он хочет сказать следующее: отряд терианцев вооружен и у них есть опыт военных действий против варханов, но они не знают земных условий. А ваши... то есть наши люди сообразят, что к чему. Им надо встретиться. С отрядом есть связь через передатчики, но вот как свести терианцев с нашими людьми?

– Я никак не могу взять в толк: имеется какой-то нормальный план или нет? – огрызнулся Кирилл. – Ты говорил, они хотят, чтобы я вернулся на Землю. Я тоже, кстати, хочу. Но какая конечная цель?

– Это все Омний с основной базы может объяснить, как я понимаю. А наше дело пока что, Кирюха, терианский отряд и парней на Земле свести, ну и на основную местную базу попасть. Где она находится, ведает только Лукан. У них секретность, на главной базе свой постоянный контингент, на малых – свой. Месторасположение основной знают только командиры вспомогательных.

– Надо Бастион, – произнес Лукан.

Все, за исключением спящего Багрянца, посмотрели на него. Старик пошевелил губами, провел указательным пальцем по лбу, собрав кожу в складку над переносицей, и добавил:

– Надо бить Центаврос. Хадук – внутрь. Скерлагос.

– Это какой Центаврос? – удивился Кир. – Тот, что за рекой?

– Река, – сказал Лукан. – Вода? Нет! Центаврос нельзя. Нет-возможно. Варханы... берсеры. Много-много. Центаврос-Териана – опасный. Надо Центаврос-Земла. Центаврос... – он помолчал. – Готов нет Земла. Нет-готов. Его делать. Надо бить Центаврос, пока его делать, пока он нет-готов. Бох! Айрин – рун!

Усатый, ерзавший и все порывавшийся что-то сказать, выпалил длинную фразу, где перемежались слова «Ангулем», «Сайдон», «Териана», «Земла», «Центаврос», «скерлагос» и «берсеры».

После Айрина снова заговорил Лукан, и потом внимательно слушавший их Денис пояснил:

– Кажется, Центавросы – это во многом ритуальные сооружения...

– Точно! – кивнул Леша. – Якуша с Лексеем умничали про это. У варханов сочетание религии, ритуалов с чем-то чисто практическим. Наверное, и Центавросы их – это и военные бункеры и, ну...

– Зиккураты, – подсказал Кир.

– Вот это самое и есть. Я слово-то знаю, конечно, да забыл – что оно конкретно значит?

Кирилл прикрыл глаза, вспоминая любимый лэптоп, сгинувший в развалинах у Красной площади, представляя, как разгорается «рабочий стол» и среди множества ярлыков на экране один – папка под названием «Кубышка», а в ней вложенная, тоже одна из многих: «Религия_секты», а внутри, среди десятков других, – «Ритуальные_сооружения»...

– Культовое многоярусное здание, так называемое Жилище Богов, в Древней Месопотамии. Имеет квадратный план и пирамидальную ступенчатую форму, – сказал он.

– Ага, Жилище Богов. Стало быть, Центаврос – разом и вот это самый зиккурат, и оборонное сооружение.

– Их возводят над купольным генератором в центре захваченной территории, – продолжал Денис. – Бастионы Сайдона и Терианы стоят давно, очень хорошо укреплены, там базируется... Я не разбираюсь в военных терминах. Взводы, батальоны? Целые полки варханов. Но земной Центаврос только-только начали строить. Его еще можно атаковать и...

– Ну хорошо, хорошо, подождите! – не выдержал Кирилл. – Ну пусть мы объединимся с этими повстанцами, нападём, пусть даже сможем порушить Центаврос. Дальше что? Зачем нам это вообще? У них же есть ворсибы.

– Устройство Бурового, – подсказал Денис, и Кирилл кивнул:

– Центаврос защищает центральное устройство, которое поддерживает купол, так?

– Да. И если генератор разрушить – купол исчезнет.

– Тогда перестанут возникать мерцающие порталы и варханы потеряют возможность в таком темпе наращивать свои силы на Земле, – добавил Леша.

– Но у них еще эти «трактора» с бивнями.

– Наверное, ворсибов в Орде не так много? Не знаю, Кирюха, в чем тут дело, но терианцы считают: надо атаковать недостроенный земной Центаврос. В конце концов, если купол исчезнет, наши военные смогут войти на оккупированную территорию. Да к тому же электроника в Москве заработает.

– Последнее утверждение представляется мне крайне спорным, – заметил Денис. – К сожалению, энтропийные процессы однонаправлены. Если что-то выходит из строя – хоть по причине электромагнитного импульса, хоть по какой-то другой, – то самопроизвольно оно уже не заработает. С тем же успехом все руины могут собраться обратно в здания или мертвые воскреснуть, а еще мне...

Тут Кирилл понял, почему Леша так часто прерывал Дениса. Ему и самому мучительно захотелось его перебить. И он перебил:

– И все равно разрушение генератора на Земле не решит вопрос кардинально – ведь варханы никуда не денутся.

– Мне категорически неясен один момент, – продолжал нудить Денис. – Техника варханов, их автомобили и вооружение совсем не того уровня, какими они должны быть у цивилизации, способной создавать порталные машины и генераторы для поддержания купола. Если упростить, ситуация такова: их оружие и техника в основном слабее, чем современные земные, но их порталные машины – гораздо сложнее, чем то, что мы можем создать. Первое – технология прошлого, второе – далекого будущего. Я не понимаю, как такое возможно в рамках одной цивилизации.

Кирилл, уже давно размышлявший над этим вопросом, пробормотал: «Да ответ-то прост...» – и замолчал, когда Лукан хлопнул по столу ладонью.

– Скерлагос, – громко произнес он. – Скерлагос Бузбарос!

– Таг! – кивнул Айрин.

Старик выдал еще длинную фразу, мешая русские и чужие слова.

– Запустить яд в тело змея, – перевел Денис. – Если точнее, Мирового Змея.

– Бузбароса, – подтвердил Леша.

– Бузбарос! – гаркнул Айрин, и они с Луканом сделали одинаковый быстрый жест, словно смахивали с плеча нечто гадкое и опасное, скорпиона или ядовитого паука. Потом Айрин возбужденно заговорил, и Денис перевел:

– Надо использовать порталный яд. Последняя возможность, пока он... пока Бузбарос не укусил себя за хвост.

– Земла-Центаврос – бох! – выкрикнул Айрин возбужденно.

Багрянец всхрапнул и проснулся, и сразу забурчал, будто не спал, а следил за разговором:

– Я вот не понимаю, чего они с этим змеем носятся? И раньше мы с капитаном картинки видели – пирамиды там, змеи... откуда это все, почему?

– Ну, Павлуха, ты про крестовые походы слыхал? – заговорил Леша. – Фильмы видел про рыцарей всяких с крестами на плащах?

– Так эти ж не рыцари, а какие-то... монголы. Орда, ёксель!

– Неважно. Рыцари грабили, наживались на своих походах – и в то же время это вытекало из их религии. Религия идеологически, понимаешь ли, оправдывала войны. А у варханов с этим Бузбаросом религия связана. Может, они... змеепоклонники? Считают Бузбароса своим Богом и думают, что их миссия – помочь ему за хвост себя укусить? А для этого им надо другие миры захватить. Ну, я имею в виду, философия религиозная у них и такая...

– Космогоническая, – заключил Денис.

– Какая еще гомоническая? – скривился Багрянец. Тут он обнаружил, что в руке его зажат стакан с остатками вина, заглянул в него – и немедленно выпил. Богатырски зевнув, взял из тарелки зеленый, желтый и белый канюки, сложил в трехэтажный сэндвич и оттяпал большой кусок.

– И все равно, даже если отряд терианцев проник на Землю, – гнул свое Кир, – даже если они соединятся с вашими «спецами»... Сколько варханов охраняет строительство Центавроса? Сотни, а может и тысячи уже. А повстанцев... – он многозначительно огляделся.

– Ты не забывай: мы на вспомогательной базе, – напомнил Леша. – А на основной у них и оружие накоплено, и припасы, и людей больше.

– Это, конечно, воодушевляет, но какой план действий? Угнанная порталная машина дает терианцам, ну и нам, такие возможности, которых раньше не было, правильно? Значит, сейчас кто-то с ее помощью отправится назад на Землю, где как-то встретится со «спецами». И с этим человеком надо отсюда поддерживать связь, чтобы через него привести на встречу и терианский отряд, который уже на земле. Получается, с собой на Землю надо отсюда взять передатчик, так?

– Передатчик межпространственной связи на этой базе только один, – возразил Денис. – Запасные, возможно, есть на основной.

– Что и требовалось доказать: как только буря закончится, отправляемся туда, заодно познакомимся с Омнием, – заключил Леша.

В комнату вошел Батур, двигавшийся на удивление тихо для такого великана. Лукан повернулся и что-то спросил у него – судя по тональности, интересовался, почему великан так долго отсутствовал. Батур улыбнулся в ответ и молча сел возле Айрина. Тот заговорил с ним, но смолк на полуслове, подняв светлые брови, к чему-то прислушиваясь. И вскочил.

Все замолчали.

Приглушенные звуки выстрелов проникли в помещение из коридора. Донесся низкий раскатистый звук, дрогнул пол.

Лукан с Лешей тоже вскочили. Денис, снова воткнув локоть в ребра Багрянца, выпрямился. Задремавший Павел выпустил стакан, который покатился по столу, и пробубнил, недоуменно оглядываясь:

– Чего случилось?

Айрин с Батуром первыми оказались возле двери, схватили стоящее в пирамиде оружие. Усач шагнул наружу, великан за ним. Леша и Багрянец, тоже взяв по ружью с торчащим вбок кривым рычагом, вышли из комнаты, следом выскользнули Кирилл, Денис и Лукан. В коридоре звук выстрелов был громче. Они стали подниматься по лестнице, и почти сразу Айрин впереди начал стрелять. Раздалось тьяканье, звук падения.

По ступеням скатился вархан, через него перепрыгнула гиена в шипастом ошейнике. Бросилась на Айрина – не успев перезарядить оружие, тот отпрянул к стене. Батур встретил тварь ударом кулака, но гиена нырнула под ним, скользнула у великана между ног и, прыгнув на Багрянца, вцепилась ему в рукав.

Заорав, он приставил ствол к заросшей темной шерстью спине. Ружье глухо рявкнуло, будто рассерженный бульдог. Гиена обмякла.

Сзади что-то выкрикнул Лукан.

– Назад! – перевел Денис, дав петуха, как мальчишка, у которого ломается голос.

Багрянец ударом ноги отшвырнул гиену с пробитым позвоночником, и они побежали в обратную сторону. Снова коридор, арка-проем без двери, поворот... Сбоку, отстреливаясь, вынырнула обритая женщина с косой на затылке и краснолицый верзила.

Когда они были уже в верхней части другой лестницы, внизу показались несколько варханов, перед которыми бежали гиены на поводках.

Журчала вода, капли стучали о камень, под ногами хлюпало. Стало холоднее, потянуло сквозняком.

Опять зазвучали выстрелы, и приотставший Денис вскрикнул. Кирилл оглянулся, пропуская Лукана. Прыгающий через две ступеньки ученый держался за левое бедро, между пальцами текла кровь. Он споткнулся, едва не упал, Кирилл подхватил его и поволок дальше.

Гулкий плеск достиг ушей. Они очутились на дне неглубокого каменного колодца, из стенки которого на метр выступали железные брусья, образующие ступени крутой лестницы. Айрин с Батуром были уже наверху, и остальные стали подниматься следом. Денис дважды едва не упал, Кирилл с трудом удерживал его на скользких брусьях. Головы им припорошил снег.

Плеск стал громче, он доносился со всех сторон, и Кир припомнил постройки, которые заметил в реке неподалеку от берега. Выпрямившись на краю наклонной черепичной площадки – крыши здания, почти целиком ушедшего в воду, – он сообразил, что каменный колодец был когда-то башенкой, пристроенной к этому дому.

Битая черепица неровными рядами лежала поверх напитанных влагой гниющих досок. У другого края крыши были пришвартованы две посуды: небольшой

катер с низкими бортами и кормовым навесом, откуда торчала труба, и весельная лодка. Мариэна, присев на корточки, отвязывала идущую от носа катера веревку. Она выкрикнула что-то и показала на берег. В желтом свете фар среди развалин сновали варханы.

– Плыть! – крикнул Лукан. – Быстро плыть!

Они полезли на катер. Дул сильный ветер, но снега стало меньше, видимость улучшилась. Огни города на другом берегу горели ярче, переливались и радужно посверкивали.

Кирилл присел возле девушки, чтобы помочь отвязать веревку от торчащего из крыши крюка, и, когда случайно коснулся ее запястья, Мариэна отдернула руку. Серdito сказав что-то, снова схватилась за веревку.

Осадка катера заметно увеличилась, когда в нем оказались Батур с Айрином, Леша, Багрянец и Лукан, обритая женщина и толстяк. Первые два сразу нырнули под навес. Зарокотал мотор, посудина мелко затряслась, из трубы плеснулся дым.

– Денис... – Кирилл повернулся. Ученый лежал на краю крыши, одна рука свесилась в воду, покачивалась в быстром течении. Кровь текла по остаткам черепицы. Кир шагнул к нему, присел, ухватив за плечи.

Из каменного колодца донеслись тьяканье гиен и разочарованный вой. По брусьям твари не поднимутся, но варханы вот-вот будут здесь.

Лукан, поставив одну ногу на борт катера, достал что-то из сумки на ремне. Повернул, щелкнул, – вспыхнул шипящий огонек. Из колодца донесся топот, и старик бросил туда что-то округлое, размером с большое яблоко.

Мариэна, подняв руки, словно балансирующий канатоходец, шагнула с крыши на катер – и тот погрузился в воду еще ниже. Он начал отплывать, сильно качаясь и зачерпывая воду. Лукан попытался ухватить девушку за руку, когда она прыгнула обратно. Старик заговорил, она тоже, отрицательно качнув головой. Кирилл с натугой приподнял Дениса, который начал приходить в себя, и перевалил его с крыши на дно лодки. Ученый сел, обеими руками держась за раненое бедро.

Вспомнив о позабытом в суматохе ноже, Кирилл достал его, полоснул по натянутой веревке. Конец ее упал в воду, и течение потащило лодку вдоль крыши.

Темноту, пронизанную косо летящим снегом, озарила вспышка. Багровое облако, подсвеченное снизу ярко-красным, вырвалось из колодца. Дрогнула крыша под ногами, черепица поползла с нее, посыпалась с края. Сквозь широкую трещину, появившуюся в стенке колодца, вода с клокотанием устремилась внутрь.

Кир оказался в лодке одновременно с Мариэной. Подняв револьвер, она встала на носу, а он схватил весло и оттолкнулся от крыши. Лодка ударилась о небольшую льдину, та стукнулась о другую, лед закрипел, крошась. Денис отполз к корме, тогда Кирилл смог усесться на лавке и нащупал второе весло. Сунул их в уключины, навалился... Лодка поплыла вслед за бодро рокочущим катером.

Два широких луча ударили им навстречу, и падающий снег вспыхнул мириадами белых искр. Мариэна, вскочив, подняла револьвер. Кирилл прекратил грести, оглянулся. По реке плыли два больших полосатых катера с высокими бортами, на палубах сустились варханы.

Несколько выстрелов раздались одновременно: курки спустили Мариэна, Багрянец, Батур, Леша и варханы на катерах. Замигали вспышки, сухой треск и бульдожье рявканье разнеслись над рекой, заглушая плеск волн и шум сталкивающихся льдин.

Одна пуля впилась в борт, другая пролетела низко над головами, третья расщепила черепицу... Через борт катера кувыркнулся вархан, упал в черную воду, казавшуюся маслянистой и густой, как машинное масло, и мгновенно исчез из виду, словно проглоченный ею. На льдину рядом свалилось выпавшее из его рук электроружье.

– Поворачивайте! – задребезжал впереди Леша.

Кирилл опустил одно весло глубже в воду и начал грести вторым. Нос лодки повело в сторону, но слишком медленно. Тогда он вскочил, выдернув весло из уключины, наклонился через борт, покрепче упер лопасть в крышу, надавил... Он

находился ближе к носовой части, и лодка стала разворачиваться быстрее.

– Слангач! – выкрикнул Мариэна в паузе между выстрелами. – Атоя фамила слангач!

– Обман, – слабо донеслось сзади. – Она говорит... предатель. На базе был предатель.

Варханские посудины неотвратно приближались, катер повстанцев по крутой дуге уходил от них к противоположному берегу – а лодка поворачивала к ближнему. Когда она обратилась кормой к преследователям, черепичная крыша и остатки колодца почти скрыли ее от катеров.

Кира толкнули в бок, он посторонился. Перешагнув через лавку, рядом опустилась Мариэна. Схватила весло, которое он бросил у борта, вставила в уключину. Кирилл взялся за второе, девушка посмотрела на него, кивнула – и они стали грести, лавируя между льдинами, которые течение несло вдоль берегов черной реки.

Глава 4

– Да поймите вы, не собирался я сам все решать! – повторил Яков. – Как вообще такое самому решить можно, если рисковать жизнью всем? Но в любом случае нам где-то надо было остановиться, не могли же мы всю ночь по Москве кататься? Вот я и надумал остановиться...

– Возле Кремля! – перебил Лагойда. – Возле их главного лагеря!

– Мы не прямо возле Кремля!

Машины поставили во внутреннем дворе гостиницы «Метрополь». Григоренко, Партизанова и Мишу отправили дежурить, все остальные собрались в автобусе. Яков с Явсеном и Лагойдой сидели на койках, Лабус и Курортник стояли по сторонам от небольшого откидного столика под мониторами слежения. Игорь подпирал стенку в конце салона, сложив руки на груди.

– Лагойда, от того, что мы пререкаться будем, ничего не изменится, – сказал он. – Нам надо решить, что дальше делать. Принципиально решить, вмешиваемся мы во все это или нет.

– Конечно вмешиваемся! – воскликнул Яков. – А какие еще варианты?

– Уехать из Москвы, – отрезал Лагойда. – В область куда-то. Если центр купола в Подольске, а это скорее всего так, потому что именно там включилось устройство Буревоего, то у нас получается... – он помедлил. – Купол, значит, территорию примерно до... До Большого кольца накрывает. Есть где спрятаться.

– Спрятаться! – хмыкнул Лабус. – А толку прятаться? Чего ждать?

– Войска сюда придут – вот чего. Или ты всерьез думаешь, что вся земная наука и техника, все лучшие ученые не разберутся с этим куполом, мать его, не смогут сюда пробиться?! Да через туннели хотя бы подземные...

– Это не купол, – сказал Курортник, о чем-то сосредоточенно размышлявший.

Все посмотрели на него, а Лагойда запнулся.

– Не купол? А что?

– Ну точно! – Яков выпрямился. – Вот, мне Явсен...

Услышав свое имя, пеон что-то произнес. Яков похлопал по карманам, нашел блокнот, раскрыл и положил на столик.

– Костя, можно света побольше?

Лабус повернул верньер, и на торчащем из стены кронштейне ярче разгорелась круглая лампочка. Все подошли к столику. На верхней странице карандашом был нарисован неровный круг, а в центре его – маленький заштрихованный кружок.

– Это пеон твой, что ли, нарисовал? – спросил Лагойда.

– Ну да, да.

– Так это портал их, они его везде...

– Нет, не портал, – возразил Яков. – Портал у них овальный, всегда овальный, заметили? А тут круг. Это когда я про купол у Явсена пытался расспросить, что за штука вообще такая, он мне в ответ нарисовал. Круг, видите? Потому что купол – никакой не купол, он сквозь землю тоже проходит – сфера это! Энергетическая сфера. И никакие туннели тут не помогут.

– А если в резину человека одеть, в скафандр особый? – возразил Лагойда.

– Ну да, и много ты народу в резину оденешь? – хмыкнул Лабус. – И технику всю в резину, танки? Нет, нам самим действовать надо, это ясно, а не по области прятаться. В общем... – он хлопнул ладонью по столу, – я понимаю: отчаянный шаг, но вот если тот пеон, которого Яков Афанасьевич упустил в школе, мне не понравился с самого начала, то Явсен этот, – он окинул взглядом сидящего на койке блондина, – нормальный, в общем, мужик.

– Ты всегда чувствам, а не мозгам доверяешь, – проворчал Курортник.

Лабус дернул себя за ус.

– Э нет! Что значит – чувствам? Я что, расчувствовался сейчас, что ли? Я интуиции своей верю, а интуиция – это те же мозги, только в профиль!

Курортник промолчал, а Лабус продолжал гнуть свое:

– Ну короче, мы сами с таким противником не справимся, это ж смешно: против нас целая армия, и мы не суперсолдаты какие-то. А эти, которые повстанцы, давно варханам сопротивляются, знают их манеру, привычки. Цели, в конце концов. И сейчас повстанцы единственные наши потенциальные союзники. А раз так, то я за то, что с ними надо вступить в контакт. А ты что думаешь, капитан?

– Примерно то же, – согласился Игорь. – Связь нужна, и раз передатчик в лагере, его надо оттуда... изъять. Это логично, что подобное устройство в центральном лагере, я тут Явсену тоже верю.

– Только он говорит, что лагерь возле Кремля не центральный, – заметил Яков. Попятившись, он сел на койку, и все снова повернулись к нему.

– Как не центральный? – удивился Лагойда. – А где же центральный?

– Не знаю, не понял я.

Курортник щелкнул пальцами.

– Возле лаборатории Буревого!

– А, ну правильно! – кивнул Лабус.

– Прямо сейчас это не самое главное, – сказал Игорь. – Сейчас нам нужна связь. Прибор для этого есть в лагере возле Кремля. Значит, надо напасть на него...

– Забираем передатчик и уматываем! – подхватил Костя. – А, Леха?

– Нет, нужно подготовиться, лагерь осмотреть, разведданные собрать, – возразил Курортник.

– Но вы уже были там неподалеку, – не согласился Яков. – В бинокли все осматривали, расположение шатров и остальное знаете. И Явсен вот тоже мне рисовал, перелистните блокнот – дальше увидите.

Лабус так и сделал. На второй странице был план: кружки и прямоугольники, неровный овал построенной рабами стены, рядом ломаная линия – стена Кремля – и большой квадрат Мавзолея.

– Периметр этот каменный высотой примерно по грудь, – стал рассказывать Костя. – В нем проход со стороны Василия Блаженного, недалеко от Лобного места. И там же такой длинный шатер стоит, прямоугольной формы.

– Ты говорил, в Кремлевской стене пролом? – уточнил Игорь.

– Да, разделяет Спасскую башню и Мавзолей. Пролом они щитами перегородили, за него мусор выбрасывают, ну и по нужде, кажется, туда ходят. Вот здесь, почти напротив Ильинки, навес, под которым, насколько мы с Лехой поняли, у них лазарет. Еще там небольшие шатры, а между навесом и проломом – два больших круглых шатра. Один – командный, из него варханы, которые с полосками на рукавах, постоянно выходили, а под входом всегда двое рядовых дежурили. А возле него другой такой же, круглый, но мы не...

– Вот в нем, по словам Явсена, и находится передатчик, – вставил Яков.

– Полковник, а ведь ты так хочешь все это проверить, потому что твой друг к повстанцам попал, – заметил Лагойда. – Скажешь, нет? Ты с Лешей своим хочешь связаться, это твоя выгода. Но в том, что для нас всех от этого какая-то польза будет, – я лично совсем не уверен.

– Хочу связаться, – кивнул Яков. – И с Кириллом, потому что ответственность за него ощущаю. Но в данном случае мои личные желания совпадают с общей нуждой. Передатчик, если он там, нам необходим.

– Так это если он там.

– А почему бы ему там не быть?

– Да потому что этот пеон, – Лагойда показал на Явсена, который быстро крутил головой, переводя взгляд с одного говорившего на другого, – может быть таким же предателем, как и тот ваш, который сбежал. Вдруг это ловушка? Просто операция варханов, чтобы поймать нас.

– И для этой же операции они послали отряд к «Старбайту», который чуть нас не накрыл? – покачал головой Курортник. – Странно как-то, неказисто слишком. Думаю, Явсен действительно работает на повстанцев, он их агент в армии варханов, также как Айзенбах был агентом повстанцев среди землян.

– Агентом! – хмыкнул Лагойда. – Много вы знаете. Да у шефа сугубо свои соображения имелись, свои выгоды. Думаете, он хотел просто софт на лабораторных машинах стереть? Нет, он по украденной схеме собирался свое устройство сделать. В переговоры со Ставкой вступить и дальше уже по обстоятельствам...

– Что еще за Ставка? – спросил Лабус.

Лагойда махнул рукой:

– Это Денис, младший сотрудник в лаборатории, так перевел. Командование их.

– Кто за то, чтобы выкрасть передатчик? – вдруг спросил Игорь.

И поднял руку. Все удивленно посмотрели на него – принимать решения на основе голосования было для этих людей непривычно. Первым примеру Сотника последовал Яков, за ним Лабус, а после и Курортник. Явсен с любопытством хлопал глазами. Лагойда хмурился.

– Значит, решено, – кивнул Игорь. – А то спорили бы до бесконечности. Тогда следующее: когда начинаем?

– Надо этой ночью, – сказал Яков. Повернул к пеону голову и медленно произнес несколько незнакомых слов.

Явсен взволнованно закивал в ответ, затараторил, запнулся, повторил то же самое медленно, потом вскочил, протягивая руку. Яков дал ему карандаш. Пеон бросился к блокноту, сказал: «Териана» – и провел по бумаге линию. Потом сказал: «Земла» – и провел параллельно другую, но двигая карандашом быстрее. Стал повторять: «Териана-Земла, Териана-Земла», то медленно, то быстро чиркая карандашом по странице, пока не порвал бумагу. Только тогда он затих и положил карандаш.

– Ну и чего? – спросил Лабус. – Кто-то что-то понял?

Все молчали.

– Что бы там ни было, – снова заговорил Яков, – медлить нам нет никакого смысла. Ну что – сутки будем ждать, двое суток, трое? Вокруг Кремля болтаться, рискуя, что патрули нас засекут? А толку? Почему не напасть сегодня, сейчас же?

Яков отдернул левый рукав, глянул на запястье и расстроенно махнул рукой.

– А, я же свои позавчера разбил! Который час?

– Двенадцать, – сказал Игорь.

– Ну вот, двенадцать. Значит, смотрите: у нас две машины на ходу, девять людей. И оружие, пусть не очень много. И, в конце концов, опыт. Сейчас все спланируем...

– Восемь людей, – брюзгливо поправил Лагойда. – Или ты и пеона уже считаешь за бойца?

– Хорошо, восемь, – согласился Яков. – Сейчас планируем, ложимся спать, спим четыре часа и примерно в пять начинаем. В пять еще совсем темно, но для часовых самый сон.

– Такие диверсии лучше в это время начинать, – согласился Игорь. – Хорошо, какие у кого предложения, как спланировать нападение?

Яков ожесточенно почесал лысину.

– Эх, Лешеньку бы сюда! Он спецом по таким делам был, чернокожих в Африке так натаскивал... Ну ладно, сами справимся. Во-первых, надо двумя группами действовать. Во-вторых, смотрите на план...

Все, не считая Явсена и Лагойды, снова встали у столика.

– Вот тут, – ткнул пальцем Яков, – шатер, где лежит передатчик. Круглый шатер, прямо возле штабного – видите, тот тоже круглый? А вот здесь...

Слушая его, Игорь глянул на бывшего начальника СБ «Старбайта», и выражение лица Ростислава Борисовича ему совсем не понравилось.

* * *

– Вот слушай, как тебя... Веня?

– Веня, – кивнул Григоренко, вместе с Партизановым и Мишей разглядывая бутылку в руках Лабуса. Голоса их в отсеке БМП, озаренном тусклым синим светильником, звучали глухо.

– Так вот, Веня, бензин можно с керосином смешать. Или с моторным маслом – три к одному примерно. Фитиль, тряпку обычную то есть, тоже пропитать, жгутом свернуть и вставить в горлышко, но только плотно, чтобы пламя сразу внутрь не попало. Полную бутылку наливать не надо, потому что не бензин сам по себе горит, горят его пары, а если она полная – нет для них места, плохо вспыхивать будет. Далее, бутылку лучше брать с длинным горлышком и из толстого стекла. Вот эти, из-под водки, которые Миша нашел, подойдут, горлышко длинное, хотя стекло так себе, ну да ладно. Как подожжешь – бросаешь сразу, потому что риск большой, что бутылка взорвется прямо у тебя над головой.

– А вот эти? – Партизанов показал в сторону двух бутылок, стоящих на полу броневи́ка.

– А это – так называемые «химические», а не «коктейль Молотова», – пояснил Лабус, беря одну из них.

– Это че значит?

– А то, что там серная кислота – у нас ее было совсем мало, потому сделали только пару, – вступает в реакцию с хлоратом калия, и при этом выделяется куча тепла, – Костя вещал увлеченно и со знанием дела. – Поэтому тут пробка должна быть такая, чтоб выдерживала контакт с серной кислотой. Сначала заливается бензин, потом малыми порциями добавляем серную кислоту. Главное, чтоб оно не загорелось просто от нагрева, из-за смешивания, понимаете? Дальше бутылку снаружи надо помыть, чтоб кислоты не осталось, дать просохнуть и охладить. Для этого мы ее в холодильник поставим, у нас в автобусе есть небольшая камера. Отдельно в миске надо смешать хлорат калия и сахар, чуть-чуть воды добавить...

– Чего за хлорид калия такой?.. – начал Партизанов, и Григоренко ткнул его локтем в бок:

– Вот ты необразованный! Не хлорид, а хлорат...

– Ща двину, Венька! – Партизанов поднял огромный кулак, и Григоренко отпрянул.

– Отставить двигать Веньку! – скомандовал Лабус. – Короче, это бертолетова соль. Ну или калиевая, другими словами.

– Ее и дома можно получить! – подхватил Григоренко. – Спички надо в ацетон бросить и...

– Так это оно в миске? – Миша показал на железную посудину с сероватой кашицей, в которой лежала тряпка.

Лабус кивнул.

– Оно. Бертолетова соль, сахар, ну и воды немного добавил. Ткань пропитывается, сейчас мы ее высушим, это тоже недолго, потом рвем на два лоскута и приклеиваем «моментом» к бутылкам. И готово – остается только бросить, чтоб разбилась.

– И оно без огня загорится? – не поверил Партизанов.

– Обязательно. Когда разбивается, бензин с серной кислотой попадает на тряпку, пропитанную солью с сахаром, и оно все загорается. Огонь такой белый и очень горячий. И главное – в чем преимущество, а? – Он оглядел слушателей.

Миша с Партизановым молчали, а Григоренко выпалил:

– Именно в том, что поджигать не надо!

– Правильно. Во-первых, это опасно, во-вторых, ты демаскируешься, когда над головой бутылкой с огнем размахиваешь. А с «химической» этого нет. Вопросы?

– Да, а я вот еще хотел... – начал Григоренко, но тут в люк над их головами сунулся Курортник.

– Что у вас? – спросил он. – Готовы?

– С «химическими» закончим – и все тогда, – ответил Лабус. – Минут пятнадцать еще, пока остынут, надо только в холодильник отнести.

– Ну так несите. Уже четверть пятого, мы все проснулись.

Курортник исчез, и Лабус поднялся с сиденья.

– Миша, Веня, берите каждый по «химической», только аккуратно. «Коктейли» я в подсумок сложу, потом раздам. Ну, пошли.

Вскоре все собрались в автобусе, где Игорь быстро повторил распределение ролей и основной план. После этого, сверив часы, разошлись. Курортнику с Лабусом, Партизанову и Вене выпало ехать в БМП, Игорю, Якову, Мише, Лагойде и Явсену – в автобусе.

Тихо тарахтя двигателем, автобус выкатил из двора «Метрополя». Лабус проводил его взглядом – к этой машине он относился, как к любимой женщине, да к тому же отдал Якову свою СВД, на которую поставил ночную оптику. Костя спустился в броневику, на ходу осмотрев снарядную полку возле пушечного лафета. Снарядов оставалось всего два, а еще в броневику лежала последняя РПГ.

Партизанов, имени которого никто почему-то так и не удосужился спросить, переругивался с Веней в большом отсеке под башней. У обоих были «Макаровы», у верзилы еще АК. Курортник, вооруженный ПМ и «бизоном», сидел возле водительского места, на котором устроился Лабус (ему достался только «Макаров», автоматов больше не было). Когда он взялся за рычаги, Алексей спросил, поправляя титановый шлем на голове:

– Сможешь этим делом рулить?

– Конечно смогу. Меня больше волнует, как они с нашим автобусом...

– Автобус они далеко от лагеря оставят, а мы броневику – нет. Ты точно помнишь, там был пролом в стене со стороны реки?

– Был, – кивнул Костя. – Я его хорошо разглядел. Поменьше, чем тот, что между Мавзолеем и Спасской, но и через него на территорию Кремля они проберутся. Ладно, с богом, что ли?

– С богом, – кивнул Алексей. – Хотя я в него не верю.

– Да и я, в общем-то.

Заведя мотор, Лабус повел БМП за автобусом, но на улице свернул в другую сторону.

Глава 5

Расчет был простой – что их примут за своих, по крайней мере в первый момент.

С этой целью с Партизанова сняли форменную синюю куртку, рубаху и даже майку. Когда до просвета в стене вокруг лагеря варханов оставалось метров двадцать, он поднялся в башню. В просвете стояли два броневика, немного дальше – тачанка с пулеметом. На мостовой горела пара светильников.

На башне сначала одного, потом второго БМП показались варханы, еще один привстал на тачанке.

– Начинай! – приказал Курортник, переходя в большой отсек.

Голый по пояс Партизанов высунулся из люка, замахал руками и прокричал несколько слов, которым его научил Явсен. Яков объяснил, что они переводятся примерно как «Пустите нас!» и «Мы из соседнего лагеря!»

Один вархан поднял оружие, нацелил на приближающуюся машину, а второй нырнул обратно в люк, и через несколько секунд башня, где он исчез, начала поворачиваться в сторону приближающейся машины.

Алексей, поднявшись по скобам вслед за Партизановым, схватился за рукоять под казенником пушки, толкнул. Хрустнуло, клин-затвор отъехал вниз, открыв ствол. Курортник вогнал в него снаряд и дернул рукоять на себя. Затвор лязгнул.

– Партизанов, вниз! – крикнул он. – Веня, вверх!

Здоровяк спрыгнул в отсек, на его место полез Григоренко, в подсумке на поясе которого лежали три бутылки: «молотовы» и «химическая».

До просвета оставалось метров десять, когда ствол на башне варханской БМП нацелился на их машину. И одновременно Курортник выстрелил, а через секунду после этого Лабус затормозил.

Прямое попадание снаряда разорвало башню, словно консервную банку. По ночной площади прокатился грохот.

– Не зажигается! – крикнул Веня, чиркая дешевой пластмассовой зажигалкой. – Газ есть, но...

Стоя одной ногой на скобе, Алексей выхватил из кармашка на ремне «зиппо», клацнул – фитиль в горлышке бутылки вспыхнул.

Снаружи застучали выстрелы, раздались вопли. Из одной вражеской БМП валил дым, в темноте едва видимый, а вторая, зарокотав мотором, тронулась с места. Распахнутый люк ее начал закрываться – и тут Веня швырнул бутылку.

Он немного не успел – крышка захлопнулась, – зато попал точно в цель. Бутылка лопнула прямо на башне, и огненная пелена растеклась по машине.

– Вторую кидай! – крикнул Курортник.

Разволновавшийся Веня едва не выпустил из рук «химическую». Алексей подхватил ее, высунулся наружу и бросил. Варханская БМП, проехав еще несколько метров, остановилась. Горючие смеси разлились по корпусу, казалось, пылает сама броня машины. Частые вспышки замелькали у периметра лагеря. На Красной площади зазвучали крики, лязг затворов и топот ног.

* * *

Явсена оставили в автобусе, приковав наручниками к железной стойке. Он не возражал – понимал, наверное, что пока не заслужил полного доверия.

Остро пахло мочой, вокруг лежали пустые упаковки, рваная одежда, россыпи гильз, пакеты и мешки. Ветер шелестел целлофаном, в темноте попискивали крысы. Из-за груды мешков с подгнившей травой – наверное, это был испортившийся корм для рогачей – Яков через оптику винтовки наблюдал за проломом в Кремлевской стене. Тот был перегорожен щитами, за ними прогуливались пятеро часовых.

Вернее, столько их было совсем недавно, но после того, как со стороны развалин Василия Блаженного донеслись взрыв и выстрелы, остались только двое – остальные убежали в сторону собора.

– Вперед, Игорек, – сказал Яков, и Сотник по-пластунски быстро пополз вперед.

Он добрался до стены возле пролома, не замеченный охранниками, присел и поднял руку с ножом.

– Ростик, Миша, готовы?

Первый промолчал, второй ответил за двоих:

– Готовы мы.

Яков нащупал прицелом темную голову одного часового, выстрелил – тот исчез за щитом, – перевел СВД на второго, снова выстрелил... и не попал.

Второй охранник бросился к убитому, поэтому Яков, которому много лет не приходилось работать со снайперской винтовкой, и промахнулся.

На такой случай и нужен был Игорь Сотник. Силуэт его мелькнул над щитами. Миг – и уцелевший часовой тоже упал. Сотник выпрямился позади щитов, сделал жест: чисто, ко мне!

Лагойда, Миша и Яков бросились вперед, последний закинул СВД за спину, сунул руку в подсумок с «коктейлем».

Когда они достигли щитов, в лагере уже стоял шум. Мимо пробежали варханы, стучали подошвами, орали, бряцали оружием, лязгали затворами. Снова разгорались костры.

Подняв АК, Игорь метнулся к двум круглым шатрам, стоящим почти в центре лагеря неподалеку от навеса-лазарета. Со стороны разрушенного собора доносился частый стук пулемета, там горела машина, сквозь специфический звук выстрелов варханского оружия прорывался негромкий голос ПМов да сухой треск «Калашникова».

– Молодцом спецы наши! – крикнул Яков, распахивая шкуры на входе в шатер.

Игорь присел, выставив автомат, заглянул и скользнул внутрь. За ним, включив фонарик, последовал Яков, потом Миша.

– Вот он, – Яков показал на покатый прибор размером с тумбочку, на четырех гнутых ножках, со скошенной верхней частью, где мерцали огоньки. Он целиком состоял из гладкого серебристого металла.

– Явсен так и описывал. Михаил, хватай!

Круглолицый присел, обхватив передатчик, приподнял.

– Килограмм двадцать... – прокряхтел он.

– Ты давай, выходи, потом жаловаться будешь!

– А где Лагойда? – спросил Игорь.

Миша, обнимая передатчик, попятился в проход.

– Я откуда знаю? Снаружи...

– В сторону! – крикнул Сотник, вскинув автомат.

В пляшущем красно-синем свете за спиной охранника он заметил фигуру человека с пистолетом в руках. Мелькнула вспышка, и Сотник присел, но пуля угодила не в него.

Миша, шагнувший после его крика вбок, ахнул и повалился назад. Передатчик упал сверху. В проеме стал хорошо виден Лагойда, маячивший с поднятым пистолетом в нескольких шагах от шатра. Выругавшись, он снова прицелился в Игоря, а тот дал короткую очередь. Лагойда, отпрыгнув в сторону, тоже выстрелил, и оба не попали.

Миша лежал на спине, удивленно раскрыв рот, неподвижным взглядом уставившись в небо. Лагойда пропал из виду.

– Бери прибор! – Игорь шагнул к выходу, вжимая приклад в плечо, быстро водя стволом из стороны в сторону.

Яков попытался поднять передатчик, охнул и выпустил из рук.

– Не могу, Игорек! Плечо у меня... Бери сам, я прикрою!

Он вытащил из подсумка «коктейль Молотова», зажег и швырнул наружу. Игорь, сдернув ремешок АК, протянул оружие Якову и взялся за передатчик, лежащий на груди мертвого Миши.

Выставив ствол в проем, Яков дал короткую очередь. Крикнул:

– Отходи!

Горела растекшаяся по мостовой смесь, от нее поднимался дым. Пригнувшись, крепко прижимая громоздкую «тумбочку», Игорь головой вперед выскочил из шатра и побежал обратно к пролому. Краем глаза увидел три силуэта неподалеку: Лагойда стоял на коленях, сцепив руки на затылке, над ним невысокий человек в просторных темных одеждах и лысый с забинтованной головой, с револьвером в руках. Сотник вспомнил, что мельком видел этого лысого у школы.

Сзади, тоже низко пригнувшись, пустив очередь веером над мостовой, выбежал Яков. Лагойда, чтоб не попасть под пули, повалился лицом вниз, а лысый, схватив второго, отпрыгнул за шатер.

Опрокинув щит, Игорь вскочил в пролом, круто повернул, зацепился за мешок, упал набок, обнимая передатчик. Вырвал из-за пояса сигнальный пистолет. Встав на колени, поднял его и пустил в небо шипящий клубок красного огня.

Подбежавший Яков помог ему встать.

– Бегом, Игорек! К точке сбора, не останавливаясь!

* * *

Курортник присел на корпусе слева от башни, Лабус – справа, оба почти непрерывно стреляли, не позволяя варханам приблизиться к машине, перезаряжались и стреляли опять. Костя, использовав РПГ, взорвал тачанку, которая попыталась выехать к ним из лагеря, метнул «химическую» и «коктейль». Последняя бутылка осталась у Курортника.

Когда вверху глухо замычали, Лабус вскинул голову. С края башни, оставаясь по пояс в люке, свесился Партизанов, лоб его ударился о броню, широкие ладони заколотили по ней.

– Э! – Костя вскочил, стреляя одной рукой, второй обхватил охранника за плечи, чтоб приподнять, – но тот был очень тяжел. – Браток, куда пулю словил?!

Партизанов замычал громче, Лабус повернул его голову, приподнял слегка – и тут из-за кремлевской стены взмыл красный огонь.

А через секунду перед БМП взорвалась граната. Переднюю часть машины приподняло, она рухнула на мостовую, хрустнув осью. На обычный земной броневик такой взрыв не произвел бы особого впечатления, но варханская машина вряд ли теперь способна была ехать: переднюю часть ее раскроило, словно гигантскими ножницами по металлу.

– Отходим! – крикнул Курортник, помогая Вене выбраться из люка. – Что с ним?

Пуля попала Партизанову в левую скулу, пробила щеку, раздробила кость. Бывший охранник захрипел и вдруг оттолкнул Лабуса с такой силой, что тот свалился с броневика на мостовую, сильно стукнувшись затылком, – хорошо, что шлем смягчил удар.

Силач выпрямился на башне во весь рост, шагнул вперед, подняв АК одной рукой и стреляя. Одна, вторая, третья пуля ударили в него. Он сделал еще шаг – и провалился в люк, будто «солдатиком» нырнул в воду.

Веня с Курортником спрыгнули на мостовую позади броневика. Из просвета в стене лагеря к ним катила бронированная мотоциклетка и две тачанки, на одной вовсю работал пулемет.

– Костя! – крикнул Алексей.

– Цел! – Лабус вскочил. – Сота сигнал дал – уходим!

Втроем они бросились прочь.

* * *

Задумчиво обойдя стоящий посреди салона передатчик, Яков сказал:

– Мы на Явсена грешили, а предателем вон кто оказался.

– Но с чего он решил перевертнуться? – все удивлялся Лабус. – Он что, не понимал...

– А что он должен был понимать? – перебил Игорь, присевший на край откидного столика. Рядом сидел легко раненный в руку Веня Григоренко – его еще трясло, но он сиял от гордости: первый в жизни серьезный бой.

– Наоборот, – продолжал Игорь, – Лагойда прикинул ситуацию: нас мало, их много, у нас несколько стволов, у них куча оружия, мы до сих пор плохо ориентируемся в ситуации, они явно хорошо знают, чего хотят... Прикинул – и сделал вывод. Решил, что с ними больше шансов выжить.

– Да его же там убьют сразу, – возразил Лабус.

– Насколько мы с Яковом успели заметить – сразу как раз не убили. Допросят...

– И пытаться будут.

– А если он быстренько все выложит? – возразил Яков, сидящий на койке возле прикованного наручниками Явсена.

– Это если они его рассказ поймут, – сказал Курортник с водительского места.

Еще не рассвело. Автобус, миновав оба Москворецких моста, медленно катил по дворам между Пятницкой и Большой Ордынкой.

Яков заметил:

– Ну вот Явсен же кое-что понимает. А если варханы давно контактировали с Буревым, то среди них могут быть люди, которые русский знают еще лучше.

– Как вообще такая связь происходит? – спросил Григоренко. – Что это за штука?

Все, кроме Курортника, гипнотизировали передатчик. Алексей, подавшись к лобовому окну, внимательно оглядел окрестности, затормозил, не глуша мотор, встал и подошел к ним.

– Здесь долго оставаться нельзя, – заметил Лабус, – пока темно, надо подальше убраться. Слышите моторы? Хотя нет, здесь уже не слышно, а раньше шумели вовсю. Это варханы из лагеря бросились нас искать.

– Машин там было немного, – сказал Григоренко с авторитетным видом, баюкая стянутое повязкой запястье. – Большую облаву не смогут организовать.

– Ну так и что? Ты в окно выгляни – вон, справа. Все посмотрите.

Они посмотрели – низко в темном небе где-то за Ордынкой мигал яркий огонек.

– Это семафор на крыше, – пояснил Лабус. – Они там сейчас вовсю сигналият: атакован центральный лагерь района! Такой шум поднимется... Нет, отсюда валить побыстрее надо, потом схрон отыскать, чтоб отсидеться. Так что ты, Леха, давай дальше рули, а мы тут пока с передатчиком попробуем разобраться.

Курортник вернулся на место, и машина снова поехала. Явсен залопотал что-то вопросительное, задержал рукой, скребя кольцом наручников по стойке. Показал на передатчик.

– А питается он от чего? – спросил Григоренко.

– Да, и мне любопытно, – согласился Яков, надевая на нос очки. – Если связь происходит посредством частиц высокой энергии – так, пардон, откуда ж оно эту энергию берет? Ну чтоб частицы, грубо говоря, разогнать? Или я чего-то не понимаю?

– Может, внутри какой-то источник? – вытаскивая из кармана ключ, Лабус направился к Явсену. – Ладно, браток, давай отомкну тебя, а то ты как птичка на шнурке дергаешься.

– Игорек! – окликнул Яков. – Что ты такой задумчивый?

Игорь не ответил – смотрел в одну точку, трогая шрам на лице. Лабус, не дойдя до приподнявшегося навстречу ему пеона, повернулся и сказал:

– О Хорьке капитан думает. Мальчишку вспомнил, а?

– Вспомнил, – согласился Игорь.

– По-скотски мы все-таки поступили.

Игорь возразил:

– У нас не было выбора – нас бы покосили там всех у школы.

– Да ну – покосили! Вот смотри: мы уже который бой целыми проходим. Нет, с потерями, я понимаю. Партизанов, Миша... так почти всегда бывает, самые

неопытные в бою первые гибнут, ну кроме вон Веньки, его только зацепило, везунчик. Но главное, уже который раз мы варханов, в общем-то, нагибаем. Хотя они, казалось бы, опытные бойцы.

– Я об этом уже думал, – кивнул Игорь. – Знаю, почему так происходит.

– И почему же?

– Потому что они непривычные к нашему оружию. У них еще не разработаны методы борьбы с противником, у которого есть автоматы, гранатометы, винтовки с оптикой. Просто нет тактики, понимаешь? Их военный опыт... Ну как у армии в первой трети двадцатого века. И если бы в те времена вдруг появился спецназ из нашего времени, да с соответствующим оружием, – он бы большой шум смог поднять, скажешь, нет?

– Ну, возможно.

– Вот поэтому мы с варханами и справляемся. Заметь: только в скоротечных боях, с неожиданными наскоками и быстрыми отступлениями. Это же правило любой партизанской войны, его еще Че Гевара сформулировал: никогда не принимать бой там и тогда, где и когда его ожидает противник. Но когда они всей массой наваливаются, БХМ подгоняют, пускают газ – тогда и уничтожают наши базы, ОМОН, другое... В общем, так или иначе, нам нельзя было возвращаться за Хорьком в школу.

– А я о двух этих парнях все думаю, – сказал Яков. – О Партизанове и Мише. Ведь даже... Веня, как качка этого вашего звали?

– Игорь.

– Ну вот, как капитана! А мы даже имени его не спросили. Только-только увидели их – и все, они мертвы, нету их. И даже тела во вражеском лагере остались. Эх! Сколько смертей всего за несколько дней. А перед тем жаковцы мои... столько мертвецов!

– Но Мишу ведь не варханы убили, Ростислав Борисович застрелил, – Григоренко поглаживал раненое запястье. – Мне шеф никогда не нравился. Его вроде все

уважали, но мне он казался гнилым каким-то.

Лабус отомкнул наручники, и Явсен бросится к передатчику. Упав на колени, коснулся верхней панели, провел пальцами по округлым выступам, повернул один, потом второй.

Выступы эти мало напоминали обычные верньеры и кнопки, они казались частью верхней панели, наростами – хотя их можно было вращать и вдавливать в нее. Сотник осторожно коснулся передатчика, похлопал. Твердый, а выступы почему-то мягкие, хотя из такого же серебристого металла.

После очередного нажатия Явсена посреди панели загорелось белое квадратное окошко – экран, который раньше не был замечен.

– А ведь с виду совершенно не варханская техника, – Яков присел на корточки рядом с пеоном. – У них все доморощенное такое, а тут... фантастика.

Явсен повернул еще что-то, нажал, и возле левого края монитора вспыхнула зеленая точка. Раздался тонкий ритмичный писк и шумы, непохожие на обычные помехи.

– О! – оживился Веня. – Слушайте, я в интернете как-то нашел эту... солнечную пульсацию. Ее как-то перевели в другой диапазон, чтоб слышно было, – так вот тут похоже. Такой же шум странный, будто космический.

Курортник вел автобус дальше, тихо рокотал мотор, за окнами медленно светало. Явсен подкрутил другой бугорок на верхней панели передатчика и что-то сказал, склонившись к нему. Повторил громче. Писк и шум не смолкали. Он повернул широкий выступ в углу панели, опять заговорил – медленно, внятно.

Зеленая точка на мониторе задрожала в такт его словам. Амплитуда увеличилась, точка поползла по горизонтали, оставляя за собой бледно-зеленую строчку пиктограмм вроде тех, которые Игорь с Багрянцем и Хорьком видели в кожаном свитке сбежавшего Гярда.

– Твою мать! – сказал Лабус. – Работает! Афанасьич, ты...

– Нет, ничего не понимаю. Я их письменность вообще не знаю. В устройстве, наверное, стоит декодер, который переводит поток сигналов в слова. Но только в варханские, конечно, слова.

Явсен покрутил бугорок на боковой стороне передатчика – и тот вдруг откликнулся равнодушным синтетическим голосом. Все вздрогнули. Голос смолк, строчка пиктограмм перестала удлиняться, точка мигнула и вернулась к левому краю экрана.

Пеон снова заговорил. Точка задрожала. Явсен окинул взглядом людей вокруг, широко улыбнувшись, ткнул пальцем в передатчик.

– Ну так что?! – не выдержал Лабус. – Мы ж не понимаем ни хрена!

Пеон закивал, крутанул сразу два выступа, и передатчик произнес женским голосом:

– Слушаю вас, товарищи.

Глава 6

Хорька разбудили выстрелы. Стояла глухая московская ночь, никого вокруг. Нет, Москва не спала – она лежала бездыханная, при смерти, демоны почти убили ее, высосали из нее кровь. А где-то далеко стреляли. Целая канонада! Треск очередей, одиночные, даже взрывы... Раз такая сильная стрельба – значит, там командир, там Лабус и остальные. И Хорьку надо туда. Он сможет, ведь он сильный, и это его дело – спасти и защитить. В кого бы ни стреляли друзья, кто бы ни стрелял в них, Хорек придет на помощь.

Ему пришлось расстаться с автоматом. Так жалко было! – но вместе «калаш» и демонское ружье были слишком тяжелы. Хорек долго соображал: что же бросить? Именно поэтому и потерял машины.

Автобус и броневик ехали достаточно медленно для того, чтобы мальчишка, работая ногами изо всех сил, мог бежать за ними. Но в конце концов он выдохся

и остановился, размышляя, от какого ствола избавиться. Выбрав автомат, Хорек мучительно доказывал сам себе, что все сделал правильно, АК – это, конечно, хорошо, он очередями палит и все такое, но патронов мало, закончатся – что тогда делать? А демонское ружье стреляло электричеством, которого в нем много. Пока Хорек был со взрослыми, они повсю обсуждали варханское оружие, и Лабус предположил, что электроружья одноразовые. То есть они стреляют-стреляют, стреляют-стреляют – а потом их выбрасывают. Или не совсем выбрасывают, а только стержень в стволе меняют. Так или иначе, пока что ружье умирать не собиралось.

Главное – оно было легче, вот что подвело черту под сумбурными размышлениями Хорька. Ну и важную роль сыграло то, что к ружью он как-то прикипел душой, сдружился с ним.

Но когда, избавившись от автомата, он снова побежал, гул моторов уже стих и машины исчезли. Он повернул раз, другой, пересек сквер, холодея при мысли, что потерял друзей, миновал два квартала – нет машин! Хорек еще почти час бродил по городу и наконец совсем потерялся. Не очень-то хорошо он знал центр столицы – да вообще, если правду сказать, не знал.

Попав в очередной двор, Хорек нашел скамейку и лег на ней, прижав к себе ружье. Тишина, темнота... Он замер – маленький, всеми покинутый, один посреди умирающего города. Демоны бродили вокруг, рыскали во мраке, искали его... Хорек тихо застонал от ужаса, поняв: демоны совсем рядом, прямо за ним, идут по газону, вон и трава шелестит – подбираются, протянув когтистые руки в перчатках с обрезанными «пальцами».

Он вскрикнул, сел, развернувшись, и пальнул во тьму. Разряд алой спицей пропорол ее, рассеял на миг, ударив в стену дальнего дома, погас. Никого во дворе, только Хорек. А трава шелестит, потому что ветер.

Что бы сделал командир? Лег на скамейке и замер от ужаса? Нет! И Хорек так не будет!

Он пристроил ружье на колени, крепко сжимая его, готовый убить любого демона, который попыбует подойти. Но демонам было не до него – они бродили где-то во мгле, а к Хорьку не приближались.

И он заснул.

А проснулся от звуков боя. Судя по тому, как затекла поджатая нога, – проспал долго. Выстрелы звучали приглушенно, вдалеке. Хорек через арку выскочил на улицу, прислушался – и побежал. На скамейке мальчик успел передохнуть, да и без автомата стало полегче, так что теперь он припустил во весь дух. Но все равно, оказавшись возле Красной площади, увидел лишь окончание боя.

Ближе к развалинам собора Василия Блаженного горела машина, от нее бежали Лабус, Курортник и незнакомый парень из тех, которые прибились к отряду в «Старбайте», – их Хорек видел из окна магазина, откуда выстрелил по демону, чтобы спасти командира.

Но где же Сотник? Не видно, только эти трое бегут – неужели погиб?! Хорек, рванувшийся вслед за троицей, даже остановился, обернулся. Из лагеря, объезжая горящую машину, выкатывали две тачанки с демонами. Нет, Лабус ни за что не бросил бы Сотника, если они убегают, значит, командир где-то в другом месте, а не остался в демонском лагере. Он, наверное, дожидается их где-то впереди! Мысль эта была не очень-то логичной, но Хорек с логикой никогда не дружил.

Он помчался за теми, кого поклялся спасти и защищать, держась у стен домов, в самой темноте, куда не достигал свет синих ламп, костров и фар.

На повороте резко остановился. Впереди автобус – их автобус, Лабуса и Курортника! Внутри кто-то есть, трое беглецов приближаются к нему...

А сзади догоняют тачанки.

Мальчик скинул ремень с плеча, встав на одно колено, поднял ружье, вдавил приклад в плечо – все как учили командир и Лабус. Направил ствол на тачанку. Руки после бега ходили ходуном.

Тачанка ехала почти прямо на него, вторая немного приотсталла. На передке – круглая желтая фара, выше силуэт демона, сидящего за рулевым рычагом.

В бедовой голове Хорька машина вдруг обратилась демоническим чудовищем, страшной одноглазой тварью – не мигая глядит на него, сейчас подбежит, набросится, откусит голову, сожрет, надо выстрелить прямо в этот круглый глаз, других способов убить чудовище нет!

Хорек выстрелил.

Не попал.

То есть не попал в глаз, но алый разряд впился в морду чудовища.

Оно бросилось в сторону... и снова стало машиной, обычной тачанкой, которые он видел уже много раз, в одной из которых даже сам ехал когда-то с командиром и Багрянцем. Тачанка вильнула, притормаживая, и вторая врезалась в нее сзади.

Машины встали. Хорек вскочил, потряс головой, избавляясь от наваждения. Увидел задок уезжающего автобуса и рванул следом.

Теперь он совсем не был уверен, что сможет и дальше сопровождать друзей, чтобы в нужный момент защитить их: машина сразу взяла быстрый темп, к тому же продолжала набирать скорость.

Но ведь не обязательно все время бежать – есть и другой способ. Пока автобус не успел разогнаться...

Часть II

Берсеры не медлят

Глава 7

Давно рассвело, три машины быстро катили по улицам оккупированной зоны.

Чтобы в темника не попала случайная пуля, на тачанке командера поставили навес из плотной кожи с железными пластинами. Он примыкал к бортам сзади и по бокам, оставляя открытым для взгляда лишь пространство впереди. Рядом с водителем сел капитан Сафон, позади – двое вооруженных бойцов, еще семеро ехали в машинах сопровождения. На лавку под бортом посадили закованного в кандалы пленника, Максар и Эйзикил расположились напротив.

Землянин, назвавшийся Лагойдой, улыбался, хмурился, лицо его отражало то страх, то надежду. А вот Максар бер'Грон так теперь не мог, любое напряжение лицевых мышц причиняло мучительную боль. Отныне обе половины его лица – и та, что была повреждена ядовитой картечью, и та, что осталась цела, – застыли, словно каменный лик Черанго, одного из истуканов, которым молились сайдонские дикари.

Ночью световая вышка над Красным лагерем (так его называли из-за близости к большому комплексу зданий красного цвета) разослала сообщения во все концы захваченной территории, и к утру стали приходить ответы. Облава не помогла поймать атаковавших лагерь, но Максар кое-что понял: уже несколько дней в этом районе действует небольшой, хорошо вооруженный отряд местных бойцов высокого ранга... пожалуй, их даже можно назвать воинами. Они используют обычный метод терианских еретиков, которых Орде пока не удалось уничтожить, – внезапный удар с неожиданной стороны и немедленный отход.

А теперь к нему в руки попал человек, связанный с этим отрядом.

Эйзикил давно контактировал с группой землян, которые благодаря переданной темниками схеме создали купольный генератор, и неплохо изучил местный язык. Выслушав последнюю фразу пленного, он сказал:

– Утверждает, что был командиром охраны того берсера, с которым связались еретики.

– Берсера? – переспросил Максар. Скрытая повязкой половина его лица вновь горела огнем, а в глазницу, как в воронку, словно залили расплавленный металл, который по капле просачивался в мозг, наполняя голову жгучими пульсациями... но по неподвижной второй половине никто бы не догадался о муках, которые

испытывает командер.

– Нет, конечно нет, – улыбнулся темник, прекрасно знающий, как ревностно относятся к этому титулу потомственные «беры». – Хозяин Лагойды был важной персоной здесь, но не берсером, я выразился неправильно. Скорее... торговцем? Да, можно сказать так. Торговец, а еще исследователь. К тому же богач, содержавший собственный отряд охраны. Теперь он мертв, погиб в том доме, возле которого я нашел тебя, когда на Териане еретики захватили наш мобильный ворсиб. Он, – Эйзикил повел рукой в сторону пленника, – был вместе со своим хозяином, а когда тот умер, присоединился к местным воинам. Тем, что спешно покинули здание.

– Значит, это воины не из охраны торговца?

– Нет, самостоятельная группа.

– Которая позже напала на Красный лагерь. Их целью была именно машина экстра-связи?

– Пленник утверждает, что да.

– Но для чего она им? Разве аборигены знают, как она работает?

– По его словам, с ними находится пеон по имени Явсен.

Темник очень внимательно смотрел на Максара, должно быть ожидая какого-то чувства, хотя бы тени, намек на эмоцию, – но не увидел ничего.

Хотя в тот момент, когда имя пеона достигло ушей, поврежденный глаз полыхнул такой свирепой болью, что командер едва не лишился сознания – чего, на памяти Максара, с ним не случалось еще ни разу. Явсен! Тот самый пеон из Красного лагеря, который его ранил. Осквернитель!

Когда командер заговорил, голос его был холодным и равнодушным:

– Значит, Явсен сбежал из Красного лагеря, присоединился к отряду земных воинов, рассказал про оставшуюся в лагере машину экстра-связи и уговорил

выкрасть ее. Зачем?

Эйзикил молча смотрел на него.

– Потому что Явсен – агент терианских еретиков, – заключил Максар. – Мы знали, что среди пеонов есть их шпионы. И машина была украдена, потому что Явсен хочет связаться с Терианой. Итак, теперь он и руководство еретиков связались, обговорили положение дел... и что они предпримут дальше?

Чётки закачались в сухой тощей руке, красные «зрочки» внутри прозрачных камешков замигали в лучах утреннего солнца, проникающих под полог.

– Мы не знаем, – сказал темник. – Дальнейшие планы еретиков непонятны. Для чего им понадобился местный торговец, более-менее ясно. К примеру, люди торговца могли бы напасть на тех, кто по присланной нами схеме создавал купольный генератор, и помешать им. Таким образом еретики, по крайней мере, отдаляли вторжение в этот мир. Но чего они добиваются теперь?

– У них появился ворсиб, – напомнил Максар. – И они...

Тут пленник подался вперед, широко улыбнувшись, заговорил – подобострастно, но пытаясь соблюсти внешнее достоинство.

И при этом допустил ошибку, посмотрел прямо в лицо командера.

Максар тоже подался вперед. Только гораздо быстрее. Рука, покоящаяся на колене, сжалась в кулак. Костяшки врезались в переносицу землянина.

Тот откинулся к борту. Максар бросил повелительный взгляд на сидящих позади бойцов, и они вскочили, пригибаясь, чтобы не цепляться головами за навес. Схватили потерявшего сознание землянина, из сломанного носа которого хлестала кровь, стащили с лавки и положили у борта.

– На бок, – посоветовал Эйзикил. – Положите его на бок, иначе захлебнется.

Максар кивнул, бойцы перевернули пленника и снова сели.

Итак, осквернитель присоединился к отряду аборигенов. Теперь у Максара была еще одна, очень важная причина найти их. Снова положив руки на колени, командер продолжал:

– Через похищенный ворсиб терианцы смогут перебросить сюда своих бойцов.

– Возможности ворсиба не безграничны, – напомнил темник. – Для зарядки машину надо подключать к главному энерговоду Наргелиса, а у еретиков нет к нему доступа.

– Но на Териане они ведь где-то берут электричество.

– Работающих ветряков, которые просто бессмысленно вращаются на крышах брошенных домов, хватает в обеих частях города. Еретики могут подключаться к ним, и еще у них наверняка есть доступ к некоторым кабелям. От обычных городских кабелей можно запитать аккумуляторы машин экстра-связи, какие-то приборы, но для ворсиба, даже небольшого, мощности не хватит.

– И все равно они смогут доставить сюда какое-то количество бойцов. Раз уж пеон с землянами решил атаковать Красный лагерь, значит, ему обязательно надо было связаться с терианцами. Те пришлют своих людей, сколько смогут без подпитки аккумуляторов ворсиба, они и земляне объединятся... что дальше? Атакуют Центаврос и попытаются разрушить генератор. Я не вижу, что бы еще они могли сделать.

– Ты забыл, командер бер'Грон: с ними Омний.

Максар уставился на пленника, который слабо шевелился под лавкой. Кровь текла из его носа, почти не впитываясь в плотную кожу, устилавшую днище машины, расползаясь темной лужей.

Омний был самым умным, многознающим, талантливым среди пеонов, что служили Орде. И еще он был предателем. Чтобы заполучить его, еретики провели серьезную операцию, поставив под удар всю свою наргальскую сеть, потеряли больше трех десятков человек, когда отбивали Омния у варханов. С тех пор беглый пеон работал с еретиками, и прятали они его так тщательно, что разведка Орды до сих пор не обнаружила его подпольную лабораторию.

Омний знал многое и очень многое умел. Что он придумает в этой ситуации? Положение еретиков безвыходное, вся их борьба стала бессмысленной. Куколка уже доставлена на Землю, установлена, инициирована – всего через два-три местных дня она вырастет в Святую Машину, и тогда Бузбарос свернется в Кольцо.

– Так или иначе, нам надо быстрее прибыть к Центавросу, – заключил Максар. – Коста там, и он ожидал меня еще этой ночью.

– Вот про Косту бер’Маха я и хочу поговорить с тобой. – Эйзикил покосился на двух бойцов, на очнувшегося пленника, неловко ерзающего под лавкой, на спины водителя и капитана Сафона и продолжал совсем тихо: – Про него, про будущее клана Гронов и про твое личное будущее, Максар бер’Грон. А также про твою роль в Орде на ее Великом Пути. Но позже, когда вокруг не будет лишних ушей. Я еще не бывал в этом мире – как скоро мы достигнем Центавроса?

Максар уже собрался ответить, когда спереди донесся рокот, в который вплетался тонкий свистящий звук.

Они выглянули из-под навеса. В отличие от варханских городов Ангулема, всегда окруженных высокой пограничной стеной, у этого поселения, как и у терианского Наргелиса, не было четкой границы. Но, кажется, Маск-Ва закончилась – серое дорожное покрытие стало уже, в нем появились трещины и выбоины, высотные дома почти исчезли, вдоль дороги потянулись леса и луга.

Навстречу летел выкрашенный в черно-желтое мотоцикл. С далеко отставленным передним колесом, дугообразной рулевой подковой и высоким багажником-ящиком, выполнявшим роль спинки для сидящей в седле вестницы.

Их клан – единственный в Орде состоящий только из женщин – основала Кирта бер’Вог, дочь самого Бер-Хана, старшая из его детей. И сумела превратить клан если не в один из самых сильных, то в один из самых нужных во всей Орде.

Машины остановились. Мотоцикл круто затормозил, его занесло, развернуло боком, и он встал. Заднее колесо выдрало из крошащегося покрытия фонтан мелких камешков.

Форма вестницы состояла из облегающих бридж, высоких сандалий, ремешки которых охватывали икры почти до колен, и жилета с карманами, ремешками, петлями и железными карабинами. Шлем в форме птичьей головы имел изогнутый клюв и узкие овальные глаза из тусклого стекла. В клюве был клапан для воздуха, куда можно было вставить фильтр, как в обычной газовой маске.

Выше поблескивала бляха с гербом клана – два поднятых крыла, напоминающих сигуры, ангулемские боевые ножи в форме полумесяца. Мастерство ножевого боя было обязательным для всех вестниц, равно как и знание по меньшей мере пяти языков (включая умирающий язык сайдонской колонии, варварскую речь тамошних дикарей и терианский лингвейк), а кроме того – умение маскироваться, способность проникать на вражескую территорию, искусство обольщения и многое, многое другое.

Кирта бер'Вог была адептом учения о том, что Мировой Змей на самом деле самка, а каждый мир – это отложенное ею яйцо. Что в корне противоречило основному постулату веры, исходя из которого Бузбарос – вне всяких сомнений, Змей-Самец – пожирал миры, и Орда, захватывающая их, являлась святым воинством, провозвестницей воли Его. Гильдия признала секту Кирты еретической, а сама Кирта была изгнана отцом из Ставки еще в те времена, когда темники имели там большой вес. И все равно вестницы были не просто доставщицами срочных сообщений, секретных депеш и пакетов, их клан постепенно становился диверсионно-разведывательным центром Орды, вытесняя обычную разведку.

Эйзикил при появлении вестницы отодвинулся глубже под навес, молча наблюдая за происходящим.

Поставив мотоцикл на подпорку, женщина перекинула ногу через седло и выпрямилась. Сняла шлем, повесив его на торчащий позади седла крюк, потрянула головой. Тихо звеня, закачалась серебряная подвеска в ухе – цепочка длиной с мизинец, на ней крошечные крылья-сигуры.

На коленях вестницы были выпуклые пластины с шипами, на запястьях – пристегнутые ремешками облегающие кожаные сумки-конверты, где хранились донесения. На ремне и бронекожаной жилетке – сумка для депеш побольше, а еще несколько ножей, метательных стрелок и три сигура нормального размера.

Коротко стриженные прямые волосы делали ее похожей на молодого красивого мужчину... если бы не грудь. И широкие бедра, и узкая талия.

Максар помнил эти бедра – причем когда они не были обтянуты бриджами. И грудь тоже хорошо помнил.

Вестница шагнула к машине. Взгляд скользнул по водителю, капитану Сафону, бойцам на заднем сиденье, Максару бер'Грону, темнику... Вернулся назад к командеру.

Глаза блеснули, когда вестница узнала его.

Максар очень надеялся, что не выдал себя, что живая половина его лица осталась неподвижна. Анга. Они очень хорошо знали друг друга в те времена, когда он еще не был командером.

Ее взгляд стал презрительным.

Он ожидал этого. Максар молча рассматривал вестницу, вспоминая ее прежней – еще совсем девчонкой, не вступившей в клан Кирты бер'Вог. А ведь потому они и расстались тогда – из-за настойчивого желания Анги стать вестницей. Он был против.

И что она теперь будет делать? Ведь помимо командера, пусть и оскверненного, ей просто не к кому больше обратиться. Капитан Сафон не обладает нужными полномочиями, рядовые – всего лишь рядовые, а Эйзикил... По одежде Анга сразу поняла, кто он. Никакая вестница без крайней необходимости не станет говорить с одним из тех, кто для главы ее клана были заклятыми врагами.

Анга заговорила с Максаром – с той особой отрешенно-напевной интонацией, с которой вестницы докладывали свои сообщения:

– В Главном лагере был перехвачен поток сигналов между двумя машинами экстра-связи. Два отряда договаривались о встрече. Судя по некоторым признакам, это терианцы и земляне.

– Они понимают язык друг друга? – спросил Эйзикил так тихо, что Анга вынуждена была податься вперед. – Ну конечно, в отряде землян пеон... Не так ли?

– И его имя Явсен? – добавил командер.

– Неизвестно. Ясно одно: отряд еретиков находится здесь. Это не была экстра-связь, они тоже на Земле.

Чётки качнулись.

– На Земле! – повторил темник.

То, что терианцы уже в городе, неожиданно. Пусть даже они не могли переправить сюда значительные силы, но если какая-то их часть здесь, и к ней добавятся местные воины, да еще те отряды повстанцев, которые проникнут через мерцающие Ока в дальнейшем...

Надо действовать быстрее.

– Где они договорились встретиться? – спросил Максар. – Вы показывали запись переговоров кому-то, кто знает город? Аборигену?

– Были определены координаты, – по-прежнему ровным, напевным голосом произнесла вестница, – здесь это место называется Борисовские Пруды. К северо-востоку отсюда.

– Мы едем туда. – Максар выпрямился, шагнул из-под навеса, и тогда Анга сказала:

– Нет, вы не едете.

Она равнодушно смотрела ему в лицо – но в глубине ее глаз мерцало злорадство. Максар бросил Ангу, как только узнал, что она вступает в клан вестниц, кажется, еще и избил тогда – почитание женщин не было развито среди мужчин-варханов. В их обществе уважали только силу и смелость, вероломство и коварство. Анга была очень настойчива в своем намерении

пройти испытания, во время которых гибли примерно треть претенденток, и в то же время боялась предстоящего. Вероятно, тогда она нуждалась в поддержке, но Максар не стал поддерживать ее – зачем? Он просто завел другую любовницу, двух, ведь наследник одного из крупнейших кланов Ангулема мог позволить себе подобное, даже не будучи командером.

Теперь она мстила ему.

– Мы поедем туда, – повторил Максар и обратился к затаившемуся под лавкой пленнику: – Ты знаешь эти Бо-ри-совские Пру-ды?

Землянин понял фразу, кивнул.

– Приказ от Косты бер'Маха тебе лично, – произнесла вестница. – Немедленно прибыть в Главный лагерь. Немедленно... оскверненный.

Последнее слово она презрительно выплюнула, словно это был комок чего-то гадкого, случайно попавший ей в рот.

В следующий миг Максар очутился на земле. Одной рукой он сдавил смуглую кисть, скользящую к сигуру на ремне, а вторая, сжатая в кулак, врезалась вестнице в лицо.

Он не сломал ей нос, как недавно землянину, но всмятку разбил губы. И на этом не остановился – повалив на спину, ударил еще трижды. Наклонился и произнес:

– Ты можешь обращаться ко мне «командер бер'Грон», девочка. Только так. Теперь повтори приказ Косты!

Кончик ножа, который Максар выхватил из ножен, проколол кожу на шее Анги. Лицо вестницы распухло на глазах. Шамкая разбитыми губами, давясь и сглатывая, она повторила приказ бер'Маха: командеру Максару немедленно прибыть к Центавросу.

Выяснилось также, что Анга направляется к Красному лагерю с приказом выслать небольшой разведотряд, который должен будет наблюдать за встречей терианских повстанцев с местными воинами и, при возможности, за их

дальнейшими перемещениями.

– Благодарю за сведения, вестница, – сказал Максар. Он ощутил облегчение – понимание того, какое сильное чувство испытывает к нему бывшая подруга, уменьшило его боль. А может, просто помогло то, что он дал выход гневу?

Максар опустился на одно колено и, приблизив губы к уху лежащей навзничь Анге, добавил тихо:

– Я ни разу не вспоминал о тебе все это время.

После этого он поцеловал ее в висок, встал и, забрав один из двух ее сигуров, вернулся к машине со словами:

– Едем дальше – быстро!

Как только командер уселся возле Эйзикила, машины тронулись с места. Они стали объезжать мотоцикл и Ангу, которая села, осторожно трогая лицо. Пленный землянин по-прежнему лежал на боку и вылезти из-под лавки не пытался. Бойцы равнодушно или насмешливо глядели на женщину, пытавшуюся вытереть кровь, что непрерывно бежала по подбородку.

– Избиение вестницы... – покачал головой Эйзикил. – Их клан так это не оставит, командер. К тому же ты забрал ее сигур – святое оружие вестниц! Девка возненавидит тебя всею силой своей проклятой еретической души. Хотя не могу не отметить, я получил удовольствие, наблюдая за этой сценой.

Глава 8

Ночью перед нападением на лагерь Игорь практически не спал, а теперь вот сморило – на верхней койке в спецавтобусе. И сквозь сон его позвала Тоня.

Они оба были жаворонками, но жена вставала немного раньше, около шести. Она позвала из кухни: «Игорек! Светло уже!» «Да, сейчас», – ответил Игорь. Вслед за ней он всегда просыпался быстро – вскакивал, делал зарядку, а иногда

затаскивал жену назад в постель... тоже своего рода зарядка, прекрасно заменяла обычную гимнастику. Хотя в последний год ее отец, после инфаркта, много болел, и Тоня прямо с утра шла проверять, как он там. Отец очень много значил для нее, он сам воспитывал дочку с двенадцати лет, после того, как умерла мать (от покойной тещи осталась лишь черно-белая фотография в гостинной).

Игорь сел, спустив ноги с койки. На него удивленно глядел Лабус.

– Что, капитан? – спросил он, приглаживая усы. – Что приснилось?

– Жена, – буркнул Игорь, спрыгивая на пол. – Отойди, я руками помашу.

Лучи солнца проникали между освинцованными стальными полосками жалюзи. Вел Курортник, рядом с кабиной негромко переговаривались Явсен с Яковом. На нижней койке дрых, подложив ладонь под щеку, Григоренко.

– Ты так разборчиво во сне заговорил – что приснилось-то? Или это неделикатно я? Где жена твоя? Ты ж, капитан, нам так ничего о себе и не рассказывал.

Игорь приседал, вытянув перед собой руки, потом принял стойку и побоксировал. К физкультуре он относился серьезно – тело у тебя одно, и, если не хочешь, чтобы оно начало рассыпаться, подводить в ответственные моменты, следует его любить, заботиться о нем. То есть поддерживать в форме.

Сейчас он боксировал особенно ожесточенно, молотил кулаками воздух, отклонялся влево и вправо, уходя от ударов, – Лабус, присевший на край нижней койки, даже откинулся, сдвинув Веню к стенке.

А все потому, что лицо Тони маячило у Игоря перед глазами и никак не хотело исчезать. И голос ее: «Игорек, вставай!» – звучал в ушах.

Наконец, вспотев и сбившись с дыхания, он замер боком к Лабусу, опустив руки и прикрыв глаза. И лишь тогда ответил на заданный вопрос:

– Она утонула вместе с автобусом. Ехала из Москвы, когда на них напали варханы.

Помолчав, Костя спросил:

– А ты откуда это знаешь? В смысле, где ты был в тот момент?

– Следом на мотоцикле гнал. Прыгнул в воду за автобусом, но он сразу ушел на дно. Я нырял долго, потом меня течение понесло... А потом Хорек вытащил. Выходит, я ему жизнью обязан. Он меня спас... а я ее – нет.

Игорь снова начал приседать – резко, быстро. Закончив, покрутил головой, разминая позвонки, постучал ребром ладони по шее с разных сторон.

– Ты поспокойнее, капитан, не так яростно, – посоветовал Лабус. – А то вы с Лехой одинаковые. У нас в деревне самогонный аппарат был, как-то дед перемудрил, он и рванул. Я как раз в сарай зашел, и тут бах! – дед весь в браге, я в браге, из крыши сарая пару досок вырвало, а спираль аж в огород улетела. Так вот вы оба вроде того аппарата прямо перед взрывом. От вас вроде гудение неслышное идет, понимаешь, о чем я? Опасно это для здоровья.

– А что с Курортником? – спросил Игорь. – И как бы помыться, Костя?

– В бачке вода закончилась, давай так полью. – Лабус вытащил из-под койки пятилитровую пластиковую канистру, свинтил крышку и поднялся. – Над раковиной стань, вон, видишь, за мониторами? Так...

Раковина была прикручена к стене низко, на уровне пояса. Игорь нагнулся, сложив ладони ковшиком. Костя опустил бутыл, полилась вода.

– У Лехи, как он думает, родители и сестра младшая погибли, – негромко заговорил Костя. – Он в этом уверен, хотя я и доказываю ему, что их еще рано хоронить. Ничего ведь не известно. Они жили в Вешняках, интеллигентная такая семья: мама – учительница в институте, батя – врач, как его... педиатр. Сестра – студентка. Когда мы из Лефортова вырвались, сразу туда – а дом разрушен. Такой завал огромный... вдвоем никак не разгрести. Да и варханы вокруг разъезжали, нельзя было оставаться.

Игорь выпрямился, стащил с плеча полотенце, и Костя, завинчивая крышку, добавил:

– В общем, он вбил себе в голову, что они погибли, все трое. И теперь как ты – ожесточенный, только о мести думает.

– Я не думаю о мести, – начал Сотник и замолчал.

– А о чем же еще? – хмыкнул Лабус. – О справедливом возмездии, что ли? Ты варханов хочешь убивать – да побольше, побольше. Скажешь, нет? Мстишь им за боль.

Присев на край койки, Игорь стал обуваться.

– Если бы мы просто мстили за боль, то носились бы по Москве с выпученными глазами, с тесаками в руках, и резали бы варханов, пока нас обоих не хлопнули.

– Ну так вы же не полные идиоты, правильно. Все-таки военные, как-то контролируете себя. Но ведь хочется именно так: схватить что потяжелее, и разбивать гадам бошки, и резать их, и стрелять, а, Сота? Я же помню, как ты пальцы сгибал да считал: раз вархан, два вархан... Прикидывал, скольких завалил. Ты не думай, я не из пустого любопытства к тебе в душу полез. Я это сейчас к тому говорю, чтобы вы и дальше себя контролировали и мозгами шевелили, как лучше действовать. Лехе я все это уже высказывал... А ну вставай, молодой! – гаркнул он, толкнув Григоренко. – Все на ногах уже!

Веня сел на койке, хлопая глазами.

– Очухался, салабон? Подъем!

Позевывая, Григоренко молча взялся за стоящие под койкой ботинки.

– Явсен, эй! – позвал Лабус и, когда пеон обернулся, спросил: – А ты уверен, что не в засаду едем? Яков, ты-то уверен?

– Костик, я знаю то же самое, что и ты. Явсен хотел связаться с друзьями на Териане, но помешали необычные флуктуации или, скажем так, помехи, зато мы случайно вышли на отряд, попавший на Землю. И как я могу тебе ответить на вопрос...

Курортник из кабины крикнул:

– В окна смотрите! Слева... И справа тоже!

Похватав оружие, Яков, Лабус и Сотник встали возле окон, наполовину прикрытых жалюзи. Явсен остался сидеть, что-то громко втолковывая единственному в автобусе человеку, который хоть как-то мог его понять. Григоренко, поспешно натянув рубаху, тоже схватился за автомат и пригнулся, выглядывая в щель между полосками стали.

– Мы уже возле прудов, – объявил Костя.

Слева от дороги стояла длинная приземистая постройка с разбитыми окнами. Из пролома в шиферном скате торчал пулемет Калашникова, над ним виднелась голова в шляпе непривычного фасона.

– Выше еще двое, – заметил Сотник. – Над коньком, заметил?

– И стволы, – кивнул Лабус. – Но не пулеметы.

– И с этой стороны! – крикнул Веня. – В кустах двое! Это засада?!

– Если б засада – уже б стреляли, молодой.

– Алексей, стоп! – Сотник направился к кабине. – Открой переднюю дверь, но не до конца. Яков, Явсена наружу. Скажи ему, чтоб не дергался и не вздумал бежать: буду целиться в спину.

Автобус встал, пеон поднялся с сиденья. Яков заговорил, сопровождая слова выразительными жестами, Явсен внимательно выслушал и шагнул к наполовину открывшейся двери.

Игорь присел на корточки за его спиной, подняв АК. Явсен спрыгнул с подножки на землю и пошел прочь от автобуса.

– Стоять! – окликнул Игорь, когда пеона и машину разделяли метра три.

– Торча! – перевел Яков, вставший с пистолетом сбоку от проема.

Явсен остановился. Забубнил на терианском.

– Я говорил, что их язык называется «лингвейк»? – спросил Яков.

– Говорил, говорил, – донесся из другого конца автобуса голос Лабуса. – Ты лучше скажи, о чем он на своем лингвейке сейчас шпрехает.

– Только самый общий смысл понимаю, Костик. Ну, вроде доказывает им, что мы с мирными целями... нет-враги мы, вот.

– Да сразу понятно ведь, что не варханы, – пробурчал Лабус. – Леха, впереди что?

– Почти прямо перед нами – пруд, – ответил Курортник из кабины. – Возле рощи, в той, что слева, большой ресторан. Забор, ворота открытые, дальше кухню вижу... Кабинки отдельные, то есть беседки... Рогача вижу. Яков, так ты их называешь, быков этих? И еще дети.

– Дети? – удивился Лабус.

– Может, и не дети уже, но подростки, молодые совсем. По-моему, девушка и парень. А вон еще один... и на траве лежит кто-то, на одеяле.

Явсен повернулся к автобусу и сказал:

– Ехать. Нет-опасно! Териана люди хорошо. Люди Земла, люди Териана нет-опасно. Помочь. – Он добавил несколько слов на лингвейке, и Яков начал переводить, но тут Лабус позади закричал:

– Леха, открой дверь! Заднюю открой!

– Что случилось? – крикнул Сотник.

– Открой, говорю, с этой стороны никакой угрозы нет!

Сотник высунулся в дверной проем, оглядев дорогу за машиной, сказал Курортнику:

– Открывай, там девчонка какая-то.

С тихим шипением стальная плита задней двери поползла вбок.

Явсен не стал возвращаться – показал направление и медленно зашагал вперед. Курортник по знаку Игоря повел автобус дальше, а на дорогу с двух сторон вышли те, кто охраняли подъезд к ресторану: слева мужик с ПК, молодой парень и девчонка, а справа высокая девушка с пожилым мужчиной. У подростков – пистолеты, у девушки и старика помповые ружья с торчащими вбок кривыми рычагами.

Покрой одежды, форма пуговиц, воротников – все немного непривычное. На старике и пулеметчике темно-зеленые брюки-галифе, пиджаки с широкими манжетами и большими воротниками, окаймленными черной полосой. На девушке бриджи и свитер в мелкий рубчик, а еще берет.

Подростки – в одинаковых камуфляжных комбинезонах с короткими, едва ниже колен, штанинами и с наброшенными на головы капюшонами. Макушку пулеметчика украшала кожаная шляпа вроде ковбойской, но с полями в форме узкого треугольника.

Лабус спрыгнул на асфальт, покосился на терианцев и заспешил в сторону одинокой фигурки в красной футболке и джинсах, бредущей за автобусом. На ходу окликнул:

– Эй, привет!

Сделав еще пару шагов, девушка остановилась, уставясь сквозь него пустыми глазами. При появлении Лабуса незнакомка не испугалась, но и не обрадовалась, просто замерла – и все.

– Красавица, эй... – он взял ее за локоть. – Ты как здесь очутилась?

Она молчала. Костя обошел ее, встал за спиной. На темени и над ушами в голове были небольшие круглые дырки, чем-то залепленные. Он коснулся одной ногтем – вроде застывшего воска. Лабус вспомнил манкуратов, о которых рассказывал Яков, которых он и сам мельком видел пару раз. Варханы что-то вытворяют с мозгами людей, превращают в роботов, послушно выполняющих приказы... но почему ее отпустили? Может, что-то не получилось и мозг сломался? Почему тогда просто не убили? Или у них принято выгонять таких «сломанных»?

Автобус подкатывал к воротам в ограде, пятеро терианцев шли по сторонам от него. Из машины высунулся Игорь, махнул Лабусу, чтобы шел следом, и остался стоять на подножке, опустив автомат. К Сотнику подошла высокая терианка, заговорила с ним, он в ответ покачал головой.

– Идем со мной. Слышишь? Идем. – Костя покрепче ухватил незнакомку за руку, потянул – и она послушно зашагала рядом.

* * *

Вдоль крыши автобуса шли две продольные штанги, наверное, чтоб крепить всякие приборы, оборудование и, может, оружие на стойках с колесиками, ведь это был особенный автобус, военный и разведывательный. Между штангами пологое углубление, Хорек очень удобно в нем устроился. Снизу его совсем никак не заметить, да и с боков – только если он выпрямится во весь рост или если наблюдатель залезет куда-то повыше. Из окон домов, конечно, видно, но кто теперь в тех домах? Нет, люди там остались, но при звуке мотора они прячутся, наружу не смотрят – потому что теперь по городу разъезжают только демоны.

В общем, Хорек был доволен. Забравшись сюда по лесенке на заднюю часть автобуса, он тихо, чтобы снизу не услышали, прокрался на середину крыши, лег... и заснул. Проснулся, когда уже светало. Съел шоколадку, допил бутылку «колы». У него оставались две банки «пепси», одна полулитровая минералка, упаковка печенья и две шоколадки. На сутки точно хватит, а дальше посмотрим. Не будет же Хорек тут всю жизнь торчать.

Ползком пробравшись в заднюю часть автобуса, он помочился на асфальт за машиной и вернулся.

Почти совсем рассвело. Хорек лег и стал рассматривать демонское ружье. Заглянул в ствол, потрогал верхнюю катушку, но стержня в центре касаться не стал – вдруг током шибанет? Провел ладонью по бахrome, свисавшей с этой необычной то ли ткани, то ли кожи, которой были крепко обернуты приклад и часть цевья. Нашупал под ней пологое углубление. В нем что-то было – вроде короткого рычажка. Заинтересовавшись, мальчик попытался просунуть палец под складки кожаной ткани и, когда получилось, дернул за рычажок.

Щелк! – на торце приклада откинулась круглая крышечка. Хорек заглянул внутрь, просунул мизинец – и вытащил узкий железный цилиндр. Что такое, зачем его прятать в прикладе? Может, это какой-то инструмент, которым демоны в своем ружье колупаются, чистят там чего или масло вспрыскивают?

Он покрутил цилиндр – на инструмент не похоже, на масленку тоже. Что ж тогда? Заприметив крошечную пирамидку на торце, придавил ее – и ойкнул, когда из другого конца цилиндра выскочил трехгранный наконечник. А из него следующий, поуже, потом еще и еще... Телескопическая пика! Хорек, вконец офигевший от таких дел, радостно засопел. Вот так секрет он надыбал! Мальчик сел против хода движения, поджав ноги, стал размахивать пикой, делать мушкетерские выпады, парировать удары невидимого противника. Ну, круто! Он размахнулся пошире...

И заметил две машины на улице далеко позади. Вроде тачанки, хотя трудно разобрать. Расцветка пятнистая, непривычная.

Бросив пiku, он схватился за ружье, но преследователи уже пропали из виду. А может, показалось? Хорек решил, что надо покараулить какое-то время. Автобус как раз начал поворачивать – то влево, то вправо. Он добросовестно ждал минут десять, но пятнистые тачанки больше не показывались.

Отложив ружье, Хорек снова взялся за пiku. Складывалось оружие легко, надо просто нажать на пирамидку и вдвинуть телескопический клинок обратно. Еще на рукояти обнаружился откидной крючок, которым можно пiku к чему-нибудь прицепить.

Автобус поехал быстрее, снова притормозил. В лучах солнца блеснула вода.

На крыше дома слева Хорек углядел троих людей: двое на противоположном от дороги скате, только головы да стволы торчат, рядом с ними в крыше пролом, из него торчит длинный ствол и выглядывает пулеметчик в треугольной шляпе.

И справа, в кустах, еще двое.

Хорек вскинул ружье, целясь в пулеметчика. Поразмыслил – и снова лег, устроившись поудобнее, стал следить за происходящим.

Эти, на крыше, – люди, не демоны. Хотя какие-то непонятные, вроде иностранцы, одеты чудно, но точно не демоны. И на машину они не нападают, ждут чего-то.

Автобус остановился. Скрипнула дверь, и Хорек, переместившись вправо, осторожно выглянул. Из машины показался мужик в халате и шароварах. Тоже не наш – но и не демон. Он что, всю дорогу сидел внутри? Хорек понятия об этом не имел, думал, под ним только друзья.

Иностранец был несвязанный и без наручников, значит, ему доверяют. Заговорил по-ненашенскому. Люди из кустов ответили ему, потом выпрямились – девушка и старикан.

Хорек поглядел с другой стороны: на шиферной крыше уже никого. Через несколько секунд пулеметчик с парочкой в капюшонах показались из-за дома. Он – в темно-зеленом пиджаке и брюках, а у двух других, которые возрастом были как старшеклассники, такой прикольный прикид: камуфляжные комбезы, но штаны короткие, едва ниже колен, а на ногах сандалии. И пистолеты в руках варханские, но сами они точно не варханы. Один – пацан, а вторая явно девка, теперь Хорек окончательно это понял. Нестрашные, короче. Не демоны.

Вскоре автобус поехал, иностранцы пошли рядом с двух сторон. Кажется, с крыши дома Хорька не заметили, потому что иначе уже заложили бы его тем, кто ехал в автобусе. Или иностранцы подумали, что так и надо, что наверху кто-то и должен караулить?

Неважно, главное, его никто не пытался стащить. Хорьку тут очень нравилось! Классное место, почти как собственная халабуда в кроне большого дерева у школы. Он ее тогда сам сделал, целую неделю таскал доски и всякую фанеру. А

потом старшеклассники выгнали его оттуда, чтобы девок своих, тоже старшеклассниц, водить, а он в отместку халабуду взял и подпалил. Канистру бензина в гаражах украл – и подпалил, причем когда двое парней и девка внутри были. Как они тогда закричали, а она как завизжала, да как полезли оттуда, а один упал и руку себе сломал! Хорек за этим наблюдал из кроны соседнего дерева и очень радовался.

Он хрюкнул от удовольствия, вспоминая. Автобус забирал к роще, где виднелись деревянные домики, ограда и раскрытые ворота. Донесся возглас. Хорек прижал к себе ружье и пополз назад.

На дороге за автобусом стоял Лабус, рядом с ним какая-то девка. Что-то много девок последнее время развелось. Лабус взял ее под локоть и повел следом за машиной.

Ну вот, все здесь, никто не пробует разбежаться, исчезнуть из поля зрения Хорька... хорошо! Он снова улегся между штангами и приготовился ждать дальнейших событий.

* * *

– Вот здесь присядь. Григоренко, слышишь? Наружу не выходи пока, присмотри за ней, понял?

– А кто это? – Веня поправил ремешок автомата на плече. Заметно было, что молодой гордится собой, что ему нравится собственный крутой вид и значимая роль в происходящем.

– Кто-кто... – Лабус посадил девушку на койку. – Знакомая моя.

– А как ее звать? И чего бритая такая?

– Не в курсе, как звать, – отрезал Костя. – Вот и попробуй выяснить у нее. С ней варханы что-то сделали. Короче, следи, а то может просто встать и уйти. Если что – никуда не пускай, но осторожно, аккуратно обращайся. Вопросы есть? Вопросов нет.

Костя подтолкнул парня к девушке, которая сдвинула колени, положила на них ладони и уставилась перед собой неподвижным взглядом.

Автобус припарковался посреди ресторанного комплекса: деревянные беседки со столами, большое здание кухни, дорожки из камней, ряды кустов, сухой фонтанчик.

Покачивая «макаровым», Лабус шагнул с подножки на землю. Было тепло, но в меру, солнце маячило позади купола уже привычным неярким бледно-желтым пятном. Капитан, Леха и Яков стояли плечом к плечу перед статным мужчиной с русыми вихрами и усами. Рядом – та высокая девушка, которая появилась из кустов вместе со стариком, и двое вооруженных мужиков на заднем плане. Один с двумя пистолетами, второй, в треугольной шляпе, с ПК.

Лабус подошел ближе. Вихрастый напомнил ему красного комиссара из старого советского фильма: мужественное лицо, правильные черты, сам высокий, широкоплечий, в кожаной рыжей тужурке. Правда, свободные шаровары не соответствовали образу, комиссары таких не носили, ну и оружие – варханский разрядник, а из кобуры выглядывает деревянная рукоять пистолета, явно не нагана. И тесак на ремне – как у мясника, только кривой. И все равно Лабус сразу мысленно окрестил незнакомца Комиссаром. Он часто давал прозвища окружающим, и почти всегда они приживались, у Кости был меткий глаз.

Комиссар негромко говорил, Явсен с Яковым, часто перебивая друг друга, переводили, Сота с Лехой слушали. Костя зашагал к ним, когда из ближайшей беседки донесся тихий стон.

– Это кто там? – спросил он на ходу.

Высокая девушка (Костя заметил, что они с Комиссаром очень похожи, – не иначе брат и сестра) бросилась к беседке. Комиссар сделал приглашающий жест, и все зашагали следом.

Когда вошли, внутри стало тесно. Здесь стояли две скамейки с резными спинками и длинный стол, на котором лицом кверху лежала сухопарая пожилая женщина в брючном костюме и строгих туфлях с низкими каблуками.

И с замотанной сверху донизу распухшей ногой, от которой шел ощутимый запах разложения.

Голова ее покоилась на тряпичном свертке. Когда они вошли, женщина скосила глаза и прошептала:

– Москвичи?

– Да, а вы? – Игорь шагнул ближе к столу.

– Я... эти люди...

– Вы их проводница?

– Я показала дорогу... Это с вами... мы говорили по радио?

– Через передатчик, – подтвердил Игорь. – Спасибо, что привели их на место.

– Я... Мои... Я умираю, молодой человек. Укусила тварь, не то крыса, не то кошка... Заражение такое быстрое – очень сильный яд на зубах. Ужасно пахнет, да? Даже ногу поздно отнимать. Мои ученики – они все...

– Ученики? – Лабус, протиснувшись между Комиссаром и его сестрой, склонился над столом.

– Я учительница. Мы были... на экскурсии, когда... Все мои разбежались, и я не смогла...

Она замолчала. Девушка положила руку ей на шею, заглянула в глаза и сказала что-то.

– Потеряла сознание, – определил Лабус. – Леха, что с тобой?

Курортник стоял смертельно бледный, уставившись в лицо женщины.

Сотник перевел взгляд с него на раненую и, припомнив рассказ Лабуса в автобусе, спросил недоверчиво:

– Это что, твоя... не может быть!

– Да нет! – замахал руками Костя. – Это не Виктория Петровна, я ее знаю! Просто напомнила, да, Леха? Ладно тебе, успокойся!

Девушка сказала что-то повелительным тоном.

– Идти, – перевел Явсен. – Наверх...

– Наружу – поправил Яков.

– Да, наружу идти.

– Давай, Леха, на свежий воздух выйдем. – Лабус потащил Курортника обратно, и остальные, кроме девушки, занявшейся раной учительницы, потянулись следом.

Терианку, как вскоре выяснилось, звали Вета, и она действительно оказалась сестрой командира отряда – Юриана. Отряд состоял из двадцати человек, хотя, когда они попали на Землю, их было тридцать, десять погибли в стычках с варханами. Все, кроме Юриана, пулеметчика и вооруженного револьверами мужика, – гражданские, простые горожане: несколько подростков, но не совсем уж малолеток, несколько стариков, но не слишком дряхлых, и люди среднего возраста – мужчины и четверо женщин.

Обычные жители Терианы, понял Лабус. В смысле, такими они были до Нашествия, а когда варханы захватили их город, присоединились к повстанцам. С собой у них были две повозки, запряженные рогачами, одна машина вроде варханской тачанки, только с выгнутыми бортами и фарой-полумесяцем, и почти три десятка стволов. Еще пять они смогли заполучить здесь, среди них – ПК, с которым худо-бедно научились обращаться, правда, боеприпасов к нему почти не осталось.

Обойдя лагерь, Лабус подошел к стоящим между беседками рогачам, жрущим траву с газона. Он любил всякую домашнюю животину, с удовольствием возился

с коровами и свиньями, кроликами и курами, когда приезжал к родичам в деревню. Рогачи показались Косте существами исключительно тупыми – впрочем, земные коровы тоже интеллектом не блистали – и меланхоличными. Они громко плямкали коричневыми губами, чавкали, плевались зеленой травяной жвачкой, в брюхах у них клокотало и бурчало. Костя потрогал бок одного, постучал по нему кулаком – ну и шкура у тварей! Наверняка из нее варханы свои кожаные доспехи и кроят. Рядом в повозке спал укрытый одеялом парень с забинтованной головой, на краю сидела, свесив ноги, женщина, грызла яблоко и хмуро поглядывала на Костю. Наконец она сделал какой-то жест... Он понял это так, что шуметь не надо, и тихо отошел.

Должно быть, ночка у терианцев выдалась беспокойная – еще несколько человек дремали на столах в беседках. Тощий сутулый мужик угрюмо копался в капоте машины с фарой-полумесяцем, двое чистили оружие, а из здания ресторанной кухни тянуло съестным – что-то там готовили. На крыше кухни и возле ворот дежурили часовые. Люди как люди, простые мужчины и женщины, даже, можно сказать, мужики и бабы, и старики с молодежью у них тоже обычные. Ну, покрой одежды слегка непривычный... Но Костя ожидал большей экзотики от людей другого мира, от их поведения, жестов, – а они совсем как земляне.

Он заглянул в автобус. Григоренко скучал на подножке, девушка лежала на койке, поджав ноги, но не спала – неподвижно глядела перед собой. Костя, присев на корточки, положил ладонь на бритую голову, стараясь не касаться залитых воском дыр, и спросил:

– Ну, как ты?

Она молчала. Лабус уже начал выпрямляться, когда ее губы шевельнулись.

– Что? – Костя подался ближе к ней.

Очень тихий, неразборчивый шепот достиг его ушей – одно или два слова, а может, и не слова, просто бессмысленные звуки.

Потом девушка замолчала и прикрыла глаза.

– Как тебя зовут? – спросил Лабус и, не дождавшись ответа, встал: снаружи раздался громкий голос Курортника.

Вышел, приказав Вене продолжать дежурить. Леха стоял у входа в кухню.

– Сюда иди! – махнул он и скрылся в дверях.

Внутри собрались человек десять; на подоконнике сидели, с любопытством вытянув шеи, двое подростков, пацан и девчонка, они держались за руки... а еще каждый сжимал по пистолету-дробовику. В глубине просторного помещения две женщины что-то резали и чистили на кухонном столе, а ближе к входу поблескивал серебром передатчик. Такой же, как в автобусе: покатая серебристая тумбочка на гнутых ножках, со всякими выступами-бородавками и монитором на скошенной верхней части. По монитору бежали зеленые значки.

Сидящий на стуле Юриан заговорил, часто повторяя слова «Териана» и «Центаврос».

Над ним стояли Сотник с Яковом и Курортник, на табурете рядом присел Явсен.

– Териана говорит! – провозгласил пеон.

– Вышли на связь с Терианой? – уточнил Сотник.

Яков подтвердил:

– Именно так, Игорек.

– И что?

Явсен и Юриан склонились над монитором.

– Ну, я ничего не понимаю, но вот Явсен наш...

Значки мигнули – и погасли. Юриан, подождав еще немного, снова заговорил.

– Териана – приказ! – объявил Явсен. – Кир – Териана.

– Кирилл жив?! – воскликнул Яков. – А Леша? Про Лешу моего ничего не говорят?

– Леша нет-знать. Кир нет-знать. Потеря. Нет-знать Кир, Леша. Нет!

– Они потерялись на Териане? – спросил Лабус.

– Не могу понять, – развел руками Яков. – Явсен, ты скажи... Леша, Кир – на Териане? Им-Териана? Они... – запинаясь, он добавил несколько слов на лингвейке.

– Кир арея хадук. Надо Кир Центаврос. Кир надо Центаврос. Нам. – Явсен широко развел руки, – надо Центаврос. Сейчас. Срочно. Быстро.

Юриан сдвинул бугорок на боку передатчика, и монитор погас.

– Центаврос, – со значением повторил командир терианцев.

Явсен поддакнул:

– Земла-Центаврос надо быстро!

– Да что это за Центаврос такой? – не выдержал Курортник.

– Центаврос! Нет-знать? – Явсен поманил их за собой. – Идти!

Лабус с Курортником, Яков, Игорь – все вышли наружу вслед за пеоном. Отойдя от здания, тот показал на купол в вышине, вытянул над головой руки и растопырил пальцы, словно изображая фонтан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/levickiy_andrey/burya-mirov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)